

ЦЭНТР НОВЫХ ІДЭЙ

КАК БЕЛАРУСКАЯ МОЛОДЁЖЬ АДАПТИРУЕТСЯ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Дарья Урбан, Центр новых идей | Апрель 2026

Co-funded by
the European Union

РЕЗЮМЕ

Управляемое настоящее, тревожное будущее

Большинство респондентов оценивают своё повседневное положение как управляемое. Материальное состояние и чувство безопасности получают умеренно положительные оценки. Наиболее уязвимой сферой остаётся эмоциональное состояние: примерно каждый пятый оценивает его как плохое или скорее плохое. Это указывает на разрыв между внешней адаптацией и внутренним самочувствием.

Тревожность носит системный характер. Экономические, социальные и экзистенциальные опасения статистически связаны и формируют общий эмоциональный фон. Речь идёт не столько о проблемах настоящего, сколько об ожидании возможного ухудшения. Параллельно проявляется тревога за будущее страны и близких, экзистенциальные переживания и сомнения в профессиональных перспективах.

На уровне личных ценностей заметно напряжение между стабильностью и свободой: люди, как правило, склоняются либо к одному, либо к другому. В отношении будущего страны картина иная — молодёжь допускает одновременную поддержку устойчивых институтов и развитие свобод.

Геополитические ориентации носят гибридный характер: жёсткого разделения на «пророссийские» и «прозападные» позиции не наблюдается.

Эмиграция как резервный сценарий

Твёрдое намерение уехать декларирует меньшинство, однако около половины допускает возможность эмиграции. Это указывает на условный характер уверенности в будущем: даже при наличии персонального прогресса и связи между усилиями и результатом сценарий переезда остаётся «запасным вариантом». Основные мотивы носят прагматический характер — экономические ограничения и нехватка перспектив. В то же время ключевыми факторами, удерживающими от переезда, остаются семья, близкие и привычная среда.

Стратегии адаптации

Поведенческая адаптация молодёжи направлена скорее на сохранение внутренней устойчивости, чем на изменение среды. Чаще всего используются простые способы снижения стресса: уход в онлайн, погружение в работу или учёбу, хобби и повседневная рутина. Факторный и кластерный анализ выявил четыре устойчивых типа адаптации:

- Повседневная адаптация — поддержание привычного ритма жизни без специальной рефлексии и защитных стратегий.
- Прагматичное избегание — сознательное снижение вовлечённости: осторожность в высказываниях, избегание чувствительных тем.
- Рефлексия и социализация — опора на близких, творчество и иронию; связана с более низким уровнем тревоги.
- Эскапизм — уход в онлайн и социальная изоляция; временно снижает напряжение, но связан с более высокой тревожностью.

Гражданское участие

Гражданское участие носит эпизодический характер: регулярная вовлечённость встречается редко и не становится массовой нормой. При этом индекс желаемого участия стабильно выше индекса реального — запрос на включённость существует, но редко реализуется.

Ключевым условием перехода от интереса к действию остаётся наличие понятного и видимого результата. Если ожидаемый эффект неочевиден, интерес не превращается в участие. Это указывает на то, что основной барьер связан с восприятием результативности, а не с отсутствием мотивации.

Инфраструктура возможностей

Доверие в первую очередь направлено на ближний круг — друзей, знакомых и коллег. Относительно устойчивым остаётся доверие к образовательным и медицинским учреждениям, тогда как отношение к органам власти и медиа **более отстранённое**.

Образование воспринимается прежде всего как инструмент укрепления позиции на рынке труда, а не как символический статус. Его ценность определяется практической применимостью и влиянием на доход и карьеру. Готовность рассматривать обучение за рубежом указывает на условность лояльности к белорусской системе образования.

В образовательных форматах третьего сектора, как и в случае с гражданским участием, наблюдается устойчивый разрыв между интересом и действием: в среднем молодые люди участвуют примерно вдвое реже, чем заявляют о готовности. Барьер связан скорее с доверием к форматам и условиям их реализации, чем с отсутствием мотивации.

ВВЕДЕНИЕ

После 2020 года политическая и общественная среда в Беларуси стала более напряжённой и менее предсказуемой. Публичное пространство сузилось, формы открытого участия сократились, а практически любая коллективная и гражданская активность стала восприниматься как риск. Со временем это состояние перестало восприниматься как кризис и превратилось в повседневный фон. Именно в этих условиях взрослеет новое поколение.

Такая среда влияет на то, как молодые люди видят своё будущее, какие стратегии выбирают и насколько ощущают собственную способность влиять на жизнь. Анализ положения молодёжи требует не просто фиксации настроений, а понимания повседневных практик адаптации. Важно понять, какие решения молодые люди считают возможными, при каких условиях сохраняют готовность действовать и что им помогает оставаться на плаву в таких условиях.

Главная задача исследования — определить условия, при которых молодёжь сохраняет способность планировать, развиваться и включаться в общественную жизнь. Далее результаты рассматриваются через эту призму.

Размер выборки составил 465 респондентов¹. Опрос проводился с 3 по 18 декабря 2025 года. Выборка соответствует структуре городского населения Беларуси в возрасте от 18 до 30 лет. Данные были перевзвешены по полу и региону проживания в соответствии с официальной статистикой Белстата за 2022 год. Сбор данных осуществлялся методом онлайн-интервью (CAWI). По данным количественных исследований конца 2022 года, интернетом пользуются более 98 процентов городских жителей этой возрастной группы. Это позволяет считать онлайн-формат релевантным инструментом для исследования данной аудитории. Доля прерванных интервью составила 21,7 процента.

¹ Достигнутая выборка (n=465) обеспечивает максимальную статистическую погрешность оценок долей около $\pm 4,5$ п.п. при доверительной вероятности 95% и предположении простой случайной выборки; фактическая погрешность для конкретных показателей может отличаться в зависимости от их распределения и применения весов.

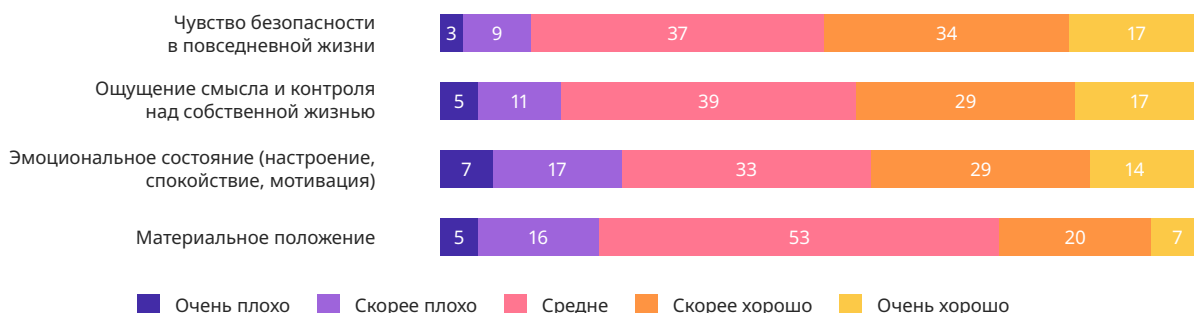
УПРАВЛЯЕМОЕ НАСТОЯЩЕЕ, НЕСТАБИЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ

Начнём с общей оценки повседневного состояния. Нас интересует, произошла ли нормализация неопределённости на уровне повседневной жизни, поскольку даже если макросреда остаётся неблагоприятной, на индивидуальном уровне может происходить адаптация.

Катастрофы нет

Респондентам было предложено оценить своё состояние по четырём параметрам: материальное положение, чувство безопасности, эмоциональное состояние, ощущение смысла и контроля над собственной жизнью (Рисунок 1). По всем показателям доминирует категория «средне», значительная часть ответов — умеренно положительные. Это означает, что ситуация не воспринимается как острая или кризисная. Повседневность описывается как в целом управляемая.

Рисунок 1. Как молодые люди оценивают своё текущее состояние и качество жизни

«Как вы оцениваете своё текущее состояние?» %

При этом следует учитывать возможный эффект социальной желательности. В сложной ситуации респонденты могут демонстрировать устойчивость даже при наличии внутреннего напряжения, поэтому важна не только доля положительных и отрицательных ответов, но и сравнительный профиль показателей.

Наиболее уязвимой сферой оказывается эмоциональное состояние. Материальное положение оценивается несколько выше, чем настроение и ощущение контроля. Это указывает на разрыв между внешней адаптацией и внутренним переживанием. Люди могут справляться с текущими расходами, но одновременно испытывать усталость, тревогу и снижение чувства управляемости. Примерно каждый пятый респондент оценивает своё состояние как плохое или скорее плохое. Речь идёт об устойчивой зоне психологической уязвимости, которая влияет на готовность планировать и действовать.

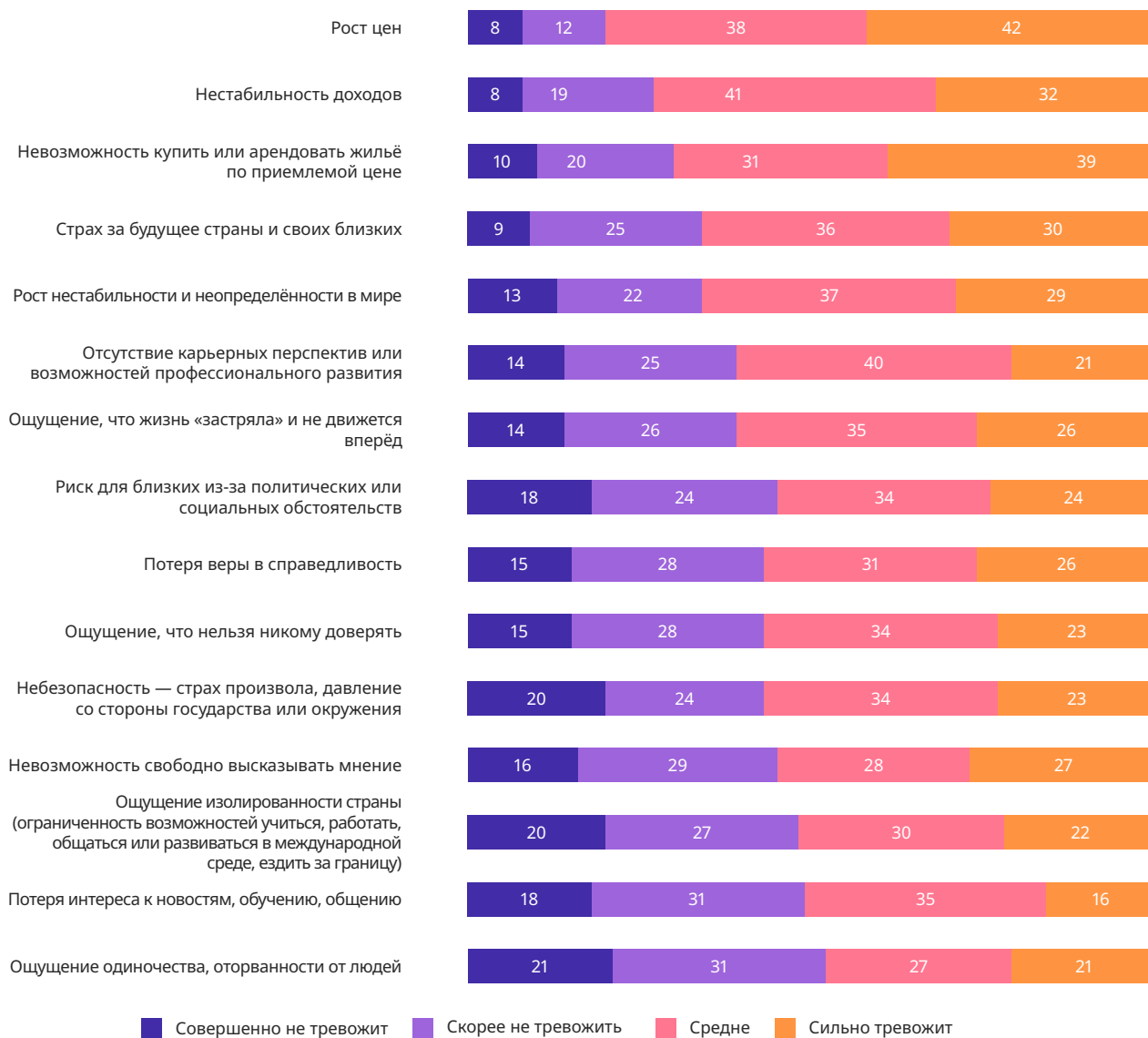
Тревожность системна и охватывает все сферы жизни

Теперь посмотрим на структуру тревожности. Если общая самооценка состояния фиксирует *адаптацию*, то распределение источников беспокойства показывает эмоциональный фон *повседневности* (Рисунок 2).

По большинству позиций значительная доля респондентов выбирает варианты

«скорее тревожит» и «сильно тревожит». Тревога охватывает как экономические риски, так и более широкие опасения, связанные с будущим и нестабильностью среды.

Рисунок 2. Фоновая тревожность молодёжи: распределение источников и уровней беспокойства

«Насколько сильно вас тревожат следующие вещи?» %

Наиболее остро воспринимаются рост цен, нестабильность доходов и невозможность решить жилищный вопрос. Именно здесь чаще фиксируется «сильная тревога». При этом важно различать текущее положение и ожидание будущего. Умеренные оценки материального положения в предыдущем вопросе означают, что многие справляются с повседневными расходами. Экономическая же тревога фиксирует не столько уже наступивший кризис, сколько риск возможного ухудшения. То есть настоящее описывается как управляемое, но будущее воспринимается как нестабильное.

Тревога не ограничивается экономикой. Сопоставимые уровни беспокойства вызывают страх за будущее страны и близких, ощущение глобальной нестабильности, сомнения в профессиональных перспективах. Экзистенциальные переживания: чувство застрявшей жизни, потеря веры в справедливость, недоверие, одиночество — также концентрируются в зоне «тревожит». Это формирует достаточно плотный эмоциональный фон.

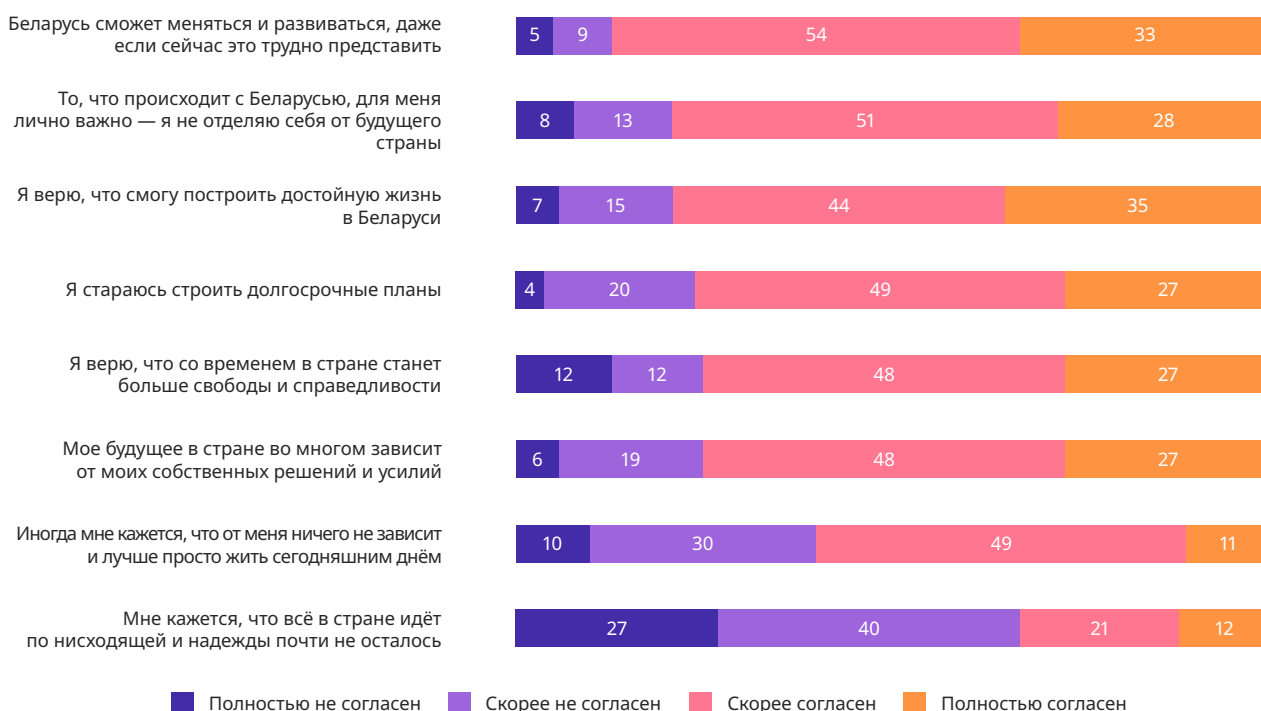
Статистический анализ показывает, что разные источники беспокойства тесно связаны междусобой. Корреляции устойчивы, факторный анализ выявляет единую доминирующую компоненту. Это значит, что экономические, социальные и экзистенциальные тревоги складываются в общее состояние напряжения, а не существуют как изолированные и автономные реакции на отдельные события.

Даже с учётом доли респондентов, затруднившихся с ответом (от 13 до 23%), **структура взаимосвязей сохраняется**. Тревога распределена широко и затрагивает одновременно материальные, социальные и смысловые измерения жизни. Именно на этом фоне формируется отношение к будущему.

Надежда доминирует, но фатализм устойчиво присутствует

Фоновая тревожность создаёт контекст, в котором формируются ожидания будущего. Поэтому дальше постараемся разобраться, как молодёжь соотносит надежду и фатализм: есть ли у них ощущение, что усилия могут дать результат, что будущее открыто хотя бы частично, что выбор существует (Рисунок 3). Именно на основе этого ощущения люди обычно принимают решения о работе, обучении, эмиграции или, напротив, об отказе действовать. Если горизонт их будущего сужается, то меняются и стратегии поведения. Поэтому анализ надежды и фатализма — это способ понять реальные рамки, в которых молодёжь строит планы и действует. Фатализм в этом вопросе определялся через оценку того, насколько всё зависит от самого человека².

Рисунок 3. Надежда и ожидания от будущего: распределение ответов

«Насколько вы согласны со следующими утверждениями?» %

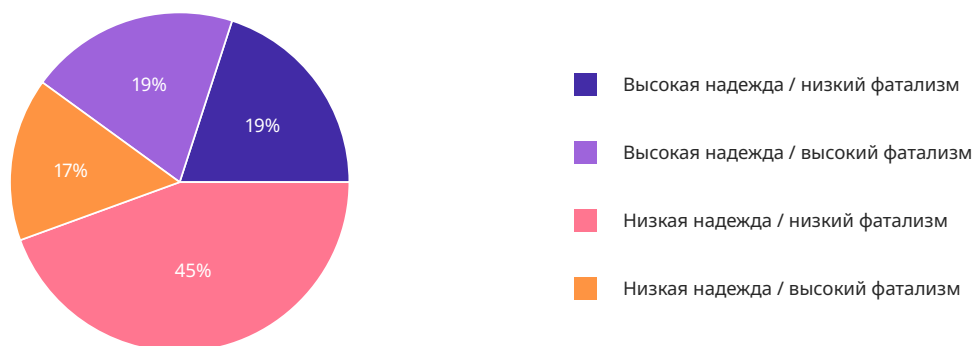
² Фатализм в исследовании операционализирован через согласие с утверждением «Иногда мне кажется, что от меня ничего не зависит и лучше просто жить сегодняшним днём», которое оценивалось по четырёхбалльной шкале. В факторном анализе данный пункт образовал самостоятельную ось, отделённую от индикаторов надежды и субъектности, что позволяет рассматривать его как отдельное латентное измерение.

Если смотреть на ответы в целом, картина оказывается менее мрачной, чем можно было ожидать на фоне общей тревожности. В большинстве утверждений о будущем и личной ответственности доминирует согласие. Установка на действие и развитие остаётся распространённой нормой. При этом больше половины респондентов соглашались с тем, что «иногда им кажется, что от них ничего не зависит», поэтому стоит внимательнее посмотреть, как высокий уровень надежды согласуется с таким уровнем фатализма.

Молодёжь в основном верит в светлое будущее

Связь между индексом надежды и индексом фатализма статистически значимая, но слабая. Это значит, что мы не имеем дело с линейной шкалой, где усиление надежды автоматически снижает фатализм. У одного и того же человека могут сосуществовать вера в будущее и признание серьёзных внешних ограничений. Анализ этих индексов позволил выделить четыре кластера (Рисунок 4).

Рисунок 4. Сочетание уровня надежды и фатализма

Самая крупная группа — молодые люди с высокой надеждой и низким фатализмом. Эту группу стоит рассматривать как референтную: её представители разделяют мнение, что будущее перспективно, а действия осмыслены. Ниже посмотрим, какие инструменты они используют для того, чтобы поддерживать такой уровень оптимизма.

Высокая надежда при высоком фатализме чаще формируется в среде, где люди видят структурные ограничения, но при этом не отказываются от идеи светлого будущего. В Беларуси после 2020 года политическое пространство резко сузилось, публичное участие стало рискованным, правила игры стали менее предсказуемыми. Индивидуальное влияние на макроуровне всё это время было ограничено. В результате возникает двойственная позиция: «я буду стараться, но понимаю, что на многое не могу повлиять». Происходит адаптация к ситуации ограниченной субъектности.

Низкая надежда при низком фатализме может появляться как реакция на длительную неопределённость. Когда горизонт крупных перемен кажется размытым, часть молодых людей перестаёт связывать свои ожидания с образом лучшего будущего, но при этом сохраняет контроль в пределах своей повседневности. Они не ждут многого от среды, но и не ощущают себя полностью зависимыми от неё.

Низкая надежда и высокий фатализм чаще возникают там, где человек сталкивается с совокупностью ограничений: экономическая нестабильность, ощущение отсутствия социальных лифтов, недоверие к институтам, невозможность публичного действия. В условиях, когда публичная активность связана с риском, а возможности влияния на общие правила минимальны, часть молодёжи приходит к выводу, что усилия мало что меняют. Если к этому добавляется личный негативный опыт (например, трудности с работой, жильём, образованием), то формируется устойчивая конфигурация сниженной субъектности.

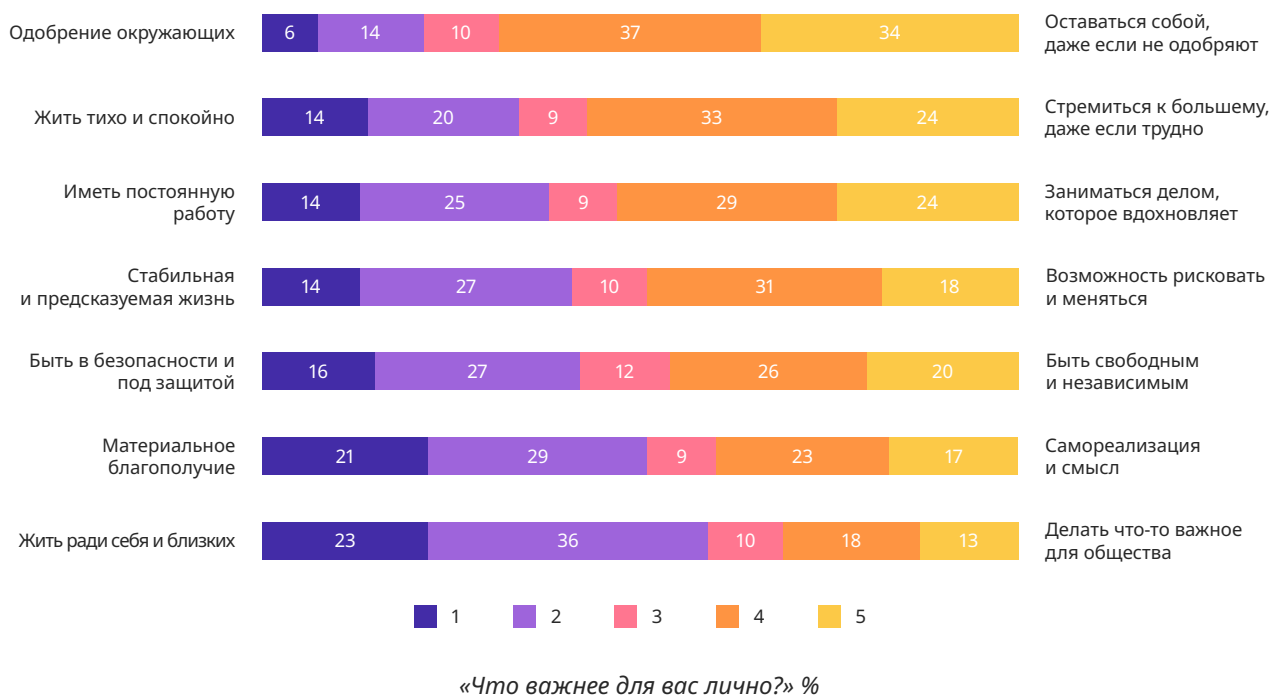
Около половины респондентов верят в свои силы и осознают смысл своей деятельности. Значительная часть смотрит в будущее с надеждой, но при этом трезво видит реальные ограничения. И лишь меньшинство ощущает, что будущее для них закрыто, а собственные усилия мало что меняют. Это сочетание надежды и понимания ограничений возможностей становится ключевой характеристикой текущего момента и определяет, какие жизненные стратегии молодёжь считает реалистичными

Личные усилия значимы, влияние на институциональные процессы ограничено

Личные ценности молодёжи (Рисунок 5) выстраиваются вокруг двух разных логик, которые могут показаться противоречивыми. Первая — ориентация на устойчивость и социальную встроенность. К ней относятся постоянная работа, материальное благополучие, одобрение окружающих, близкий круг, безопасность. Это ценности предсказуемости и признания: иметь опору, понятные правила, стабильный доход, поддержку своего окружения. Самореализация в этой логике важна, но она не отделяется от ощущения защищённости.

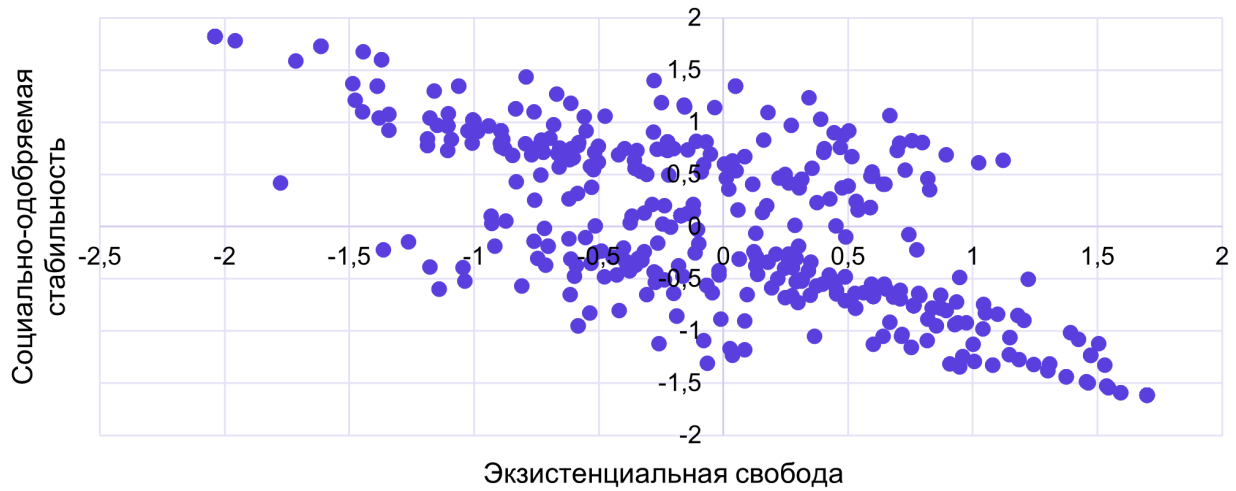
Вторая логика связана со свободой и готовностью к риску. Здесь значимы независимость, стремление к большему даже в трудных условиях, готовность менять жизнь, выбирать динамику вместо спокойствия. Это ценности автономии и внутреннего выбора, даже если они предполагают неопределённость и отказ от гарантированной стабильности.

Рисунок 5. Распределение приоритетов по ключевым личным ценностным дилеммам

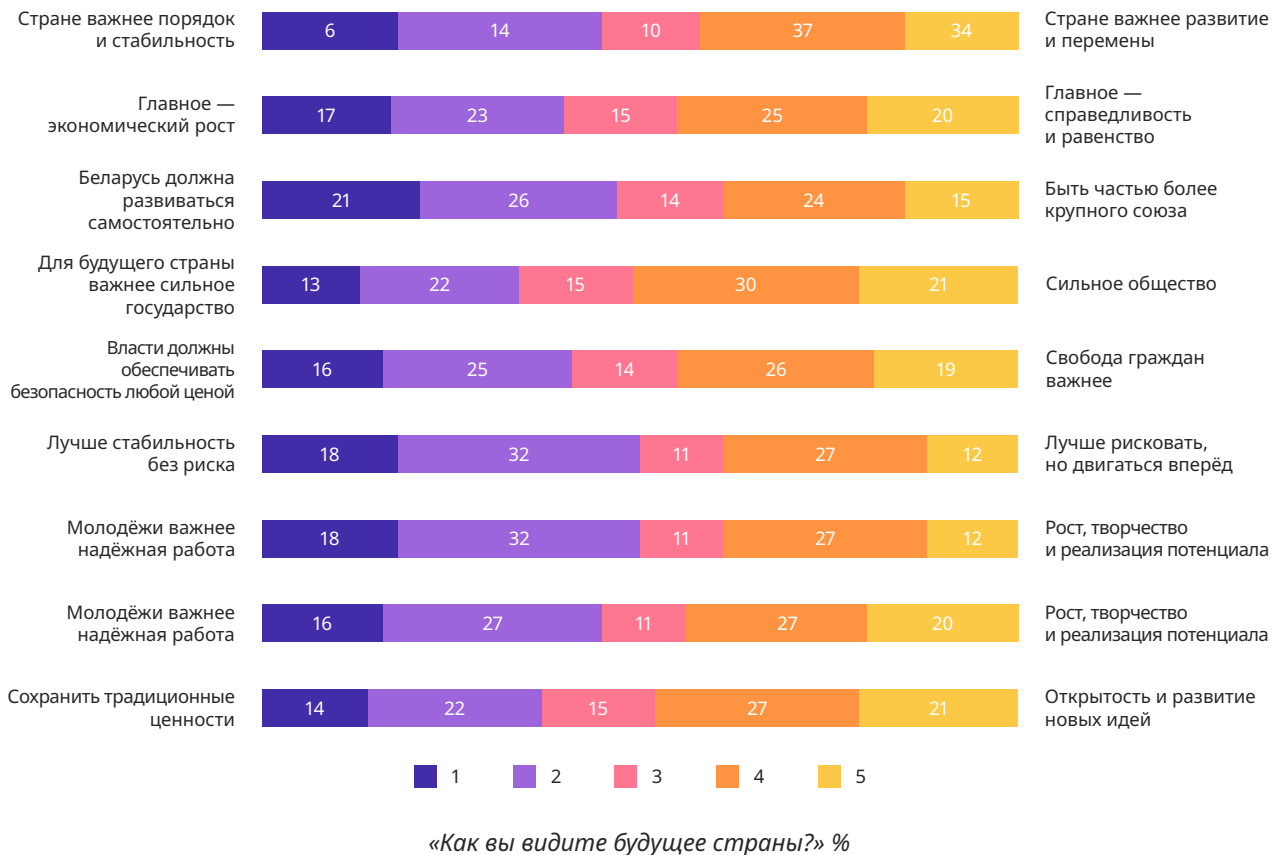
На уровне личных ценностей эти две логики создают заметное разделение между людьми. Это и понятно, поскольку сочетать такие противоречивые ценности достаточно сложно. Это хорошо видно на факторном графике (Рисунок 6). По одной оси расположена социально одобряемая стабильность, по другой — экзистенциальная свобода. Каждая точка — это отдельный респондент. Распределение точек показывает, что усиление ориентации на свободу обычно сопровождается снижением ориентации на предсказуемость и наоборот.

Рисунок 6. Факторное пространство личных ценностей

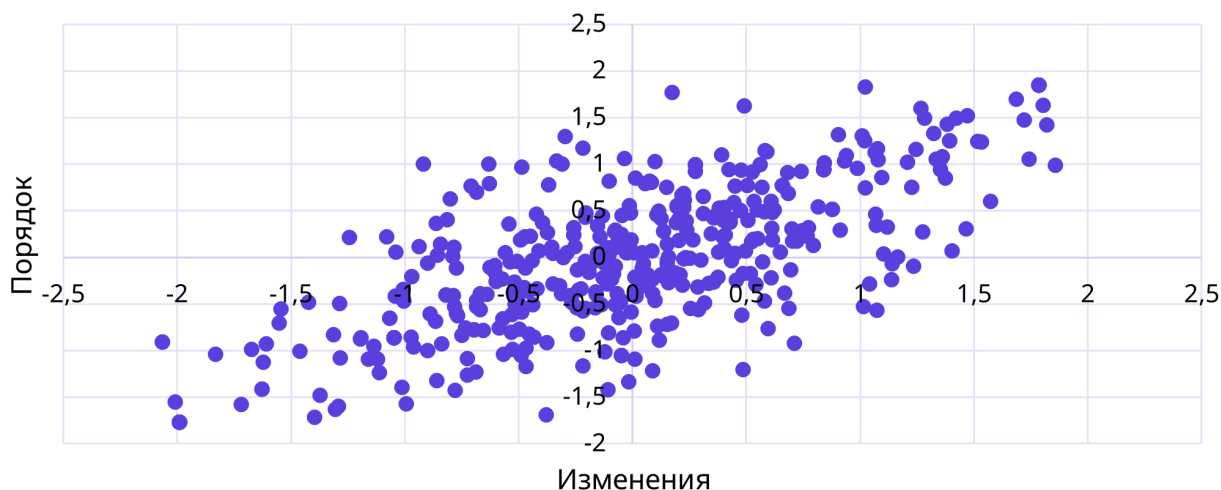
Если личные ценности организованы как пространство выбора между стабильностью и свободой, то представления о будущем страны и ценности общественного устройства выглядят иначе (Рисунок 7). Здесь мы наблюдаем попытку совместить разные ориентации.

Рисунок 7. Распределение приоритетов по ключевым ценностным дилеммам общественного устройства

Факторный анализ (Рисунок 8) показывает, что ответы молодёжи складываются в два основных измерения. Первое условно можно назвать «государство порядка». В него входят ожидания сильного государства, приоритет стабильности, безопасность как ключевая задача власти, сохранение традиционных ценностей, экономическая надёжность. Это ориентация на предсказуемость и институциональную устойчивость. Она выражает запрос на управляемое будущее, где риски минимизированы, а ответственность сконцентрирована в понятных структурах.

Рисунок 8. Факторное пространство политических ценностей

Второе измерение — «открытое изменениям». Оно объединяет ориентацию на развитие и перемены, готовность к риску ради движения вперёд, ценность гражданских свобод, самостоятельность страны или её включённость в более широкий мир, акцент на сильное общество. Здесь важны горизонтальные формы агентности и признание изменений как нормального состояния.

Принципиально важно, что эти два измерения не образуют жёсткой оппозиции. На факторном графике точки распределяются по диагонали, а не по двум изолированным полюсам. Это означает, что ориентация на порядок и ориентация на изменения не противоречат друг другу и способны сосуществовать внутри одной системы представлений. Чем выше поддержка развития, тем нередко выше и запрос на устойчивость. **Молодёжь не делит будущее на «либо стабильность, либо свободу», а пытается удержать оба ориентира одновременно.**

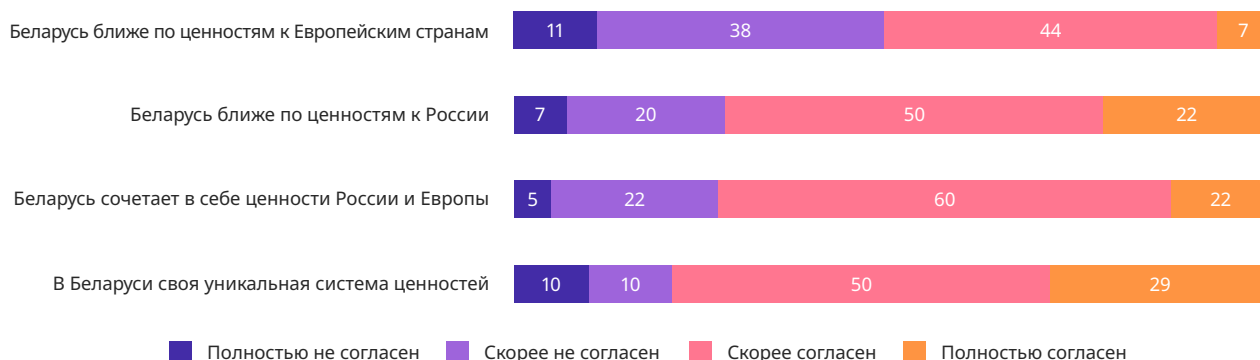
Здесь проявляется принципиальное различие между системой коллективных и индивидуальных ценностей. На уровне будущего страны молодёжь мыслит более интегративно. Будущее воображается как пространство возможного баланса, где разные ориентации можно удерживать одновременно.

На уровне личной жизни логика иная. Там ценности организованы более поляризованно. Выбор стабильности ограничивает пространство риска, а выбор свободы снижает предсказуемость. Индивидуальная траектория требует более определённого решения, потому что последствия человек несёт сам. Поэтому личное пространство оказывается менее компромиссным, чем коллективное. В этом расхождении и формируется потенциальное напряжение между тем, в каком обществе хотелось бы жить, и тем, как человек строит собственную жизнь.

Гибридная геополитическая идентичность, а не поляризация

В свете геополитических событий последних лет хочется понять, система ценностей каких стран кажется молодым людям похожей на белорусскую. Анализ описательных распределений по четырём утверждениям о ценностных ориентациях показал отсутствие доминирующего вектора (Рисунок 9). Ответы концентрируются в зоне умеренных позиций. Резкой поляризации не наблюдается.

Рисунок 9. Представления о ценностной принадлежности Беларуси

«Насколько вы согласны или не согласны со следующими утверждениями?» %

Корреляционный анализ показал, что эти утверждения не складываются в единый континуум. Между ориентацией на Европу и ориентацией на Россию отсутствует значимая отрицательная связь. Это означает, что данные нельзя интерпретировать как простую шкалу «или-или». Согласие с одним вектором не требует автоматического несогласия с другим.

Идея сочетания ценностей России и Европы связана как с ориентацией на Россию, так и с ориентацией на Европу по отдельности. Это значит, что её поддерживают представители разных позиций. Она не работает как компромисс между противоположностями, а скорее объединяет их. То же касается представления об уникальности Беларуси. Признание особого пути страны не требует отказа от какого-либо внешнего направления. В итоге разные внешние ориентиры и идея уникальности могут сочетаться между собой в разных вариантах и сосуществовать в одной системе взглядов. Такая конфигурация требует анализа типов сочетаний, и для этого был проведен кластерный анализ³.

В итоговой типологии выделены три содержательных типа (Рисунок 10).

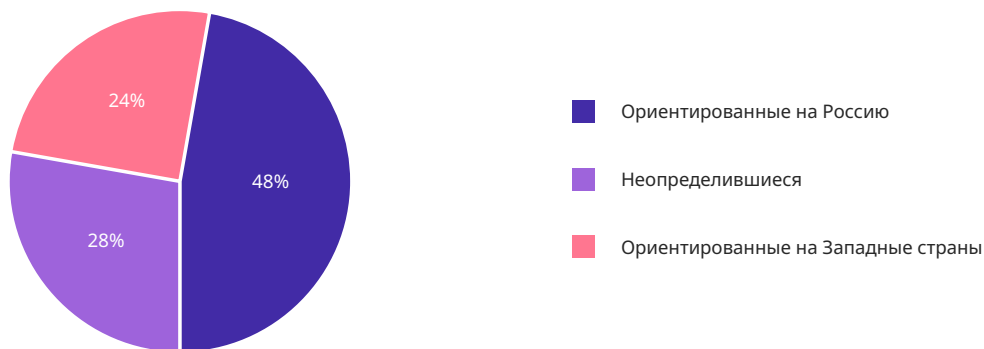
Ориентированные на Россию (48%). Для этой группы характерна склонность к российскому внешнему вектору при одновременном признании уникальности страны. Идея сочетания ценностей России и Европы для них не играет центральной роли.

Ориентированные на Западные страны (24%). Для этой группы характерна осмысленная гибридная ориентация. Они чаще поддерживают идею сочетания ценностей и одновременно признают уникальность страны, при большей открытости к европейскому вектору.

³ Модель выделила четыре кластера, но один из кластеров продемонстрировал недифференцированный профиль — схожий уровень согласия по всем пунктам. Такой результат может указывать на формальный стиль ответа или отсутствие артикулированной позиции. Этот кластер не интерпретировался содержательно и был исключён из дальнейшего анализа.

Неопределившиеся (28%). Эта группа отличается отсутствием чёткой идентификации с каким-либо направлением. Для неё характерны осторожность и дистанцирование от жёстких рамок. Идея сочетания допускается, но без выраженной уверенности. Здесь преобладает позиция неопределённости.

Рисунок 10. Распределение кластеров по ценностным ориентациям

В целом полученные кластеры показывают, что геополитические и ценностные ориентации молодёжи формируют несколько типов сочетаний и не поляризованы. Такое распределение ориентаций во многом отражает сам характер текущей геополитической ситуации вокруг Беларуси.

Во-первых, страна находится в состоянии структурной зависимости и одновременно формальной суверенности. С одной стороны — тесная экономическая и политическая связь с Россией. С другой — географическая, историческая и культурная включённость в европейское пространство. Молодёжь живёт в системе, где оба вектора присутствуют одновременно, поэтому в ответах они не распадаются на жёсткие альтернативы.

Во-вторых, после 2020 года практически любые публичные высказывания и обсуждения, даже косвенно связанные с политикой, стали рискованными. Геополитическая позиция, вне сомнения, находится среди «опасных» тем. В таких условиях открытая самоидентификация с одним направлением может восприниматься как потенциально проблемная. Это усиливает осторожность и объясняет высокую долю умеренных и неопределённых ответов. Избегание крайних позиций становится рациональной стратегией.

В-третьих, сама глобальная повестка изменилась. Война в Украине, санкционное давление, экономическая турбулентность усилили ощущение нестабильности. Когда международная среда выглядит конфликтной, ориентация на «сочетание» или «уникальность» становится способом сохранить ощущение автономии.

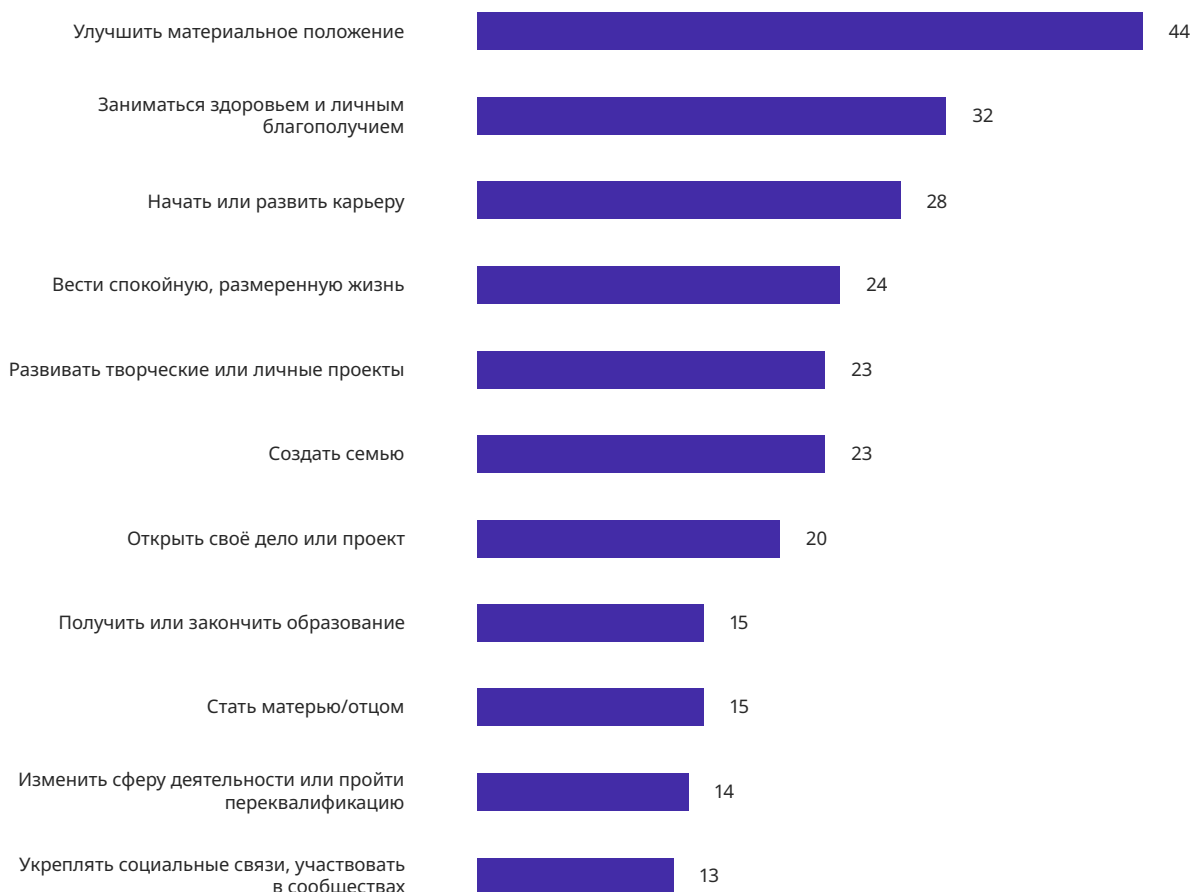
Наконец, для поколения, выросшего в условиях гибридной идентичности, идея синтеза выглядит естественной. Молодёжь одновременно потребляет российский, европейский и глобальный культурный контент, а значит, геополитическая рамка в их опыте уже не бинарна. Поэтому гибридные ориентации отражают не только осторожность, но и реальный социальный опыт.

В результате мы наблюдаем адаптацию к сложной среде. Согласие сразу с несколькими, на первый взгляд, несовместимыми утверждениями — это способ сохранить широту выбора. В условиях, когда чёткая самоидентификация может ограничить пространство действий, такая позиция позволяет не закрывать для себя возможные траектории.

План на ближайшие годы: снижение рисков

Как же выглядят планы молодых людей на ближайшие 3-5 лет с учётом всего описанного выше? Первое, что бросается в глаза, — молодёжь выстраивает стратегию минимизации риска, а не стратегию развития и роста.

Рисунок 11. Планы на ближайшие 3-5 лет

«Что вы планируете для себя в ближайшие 3-5 лет?» %

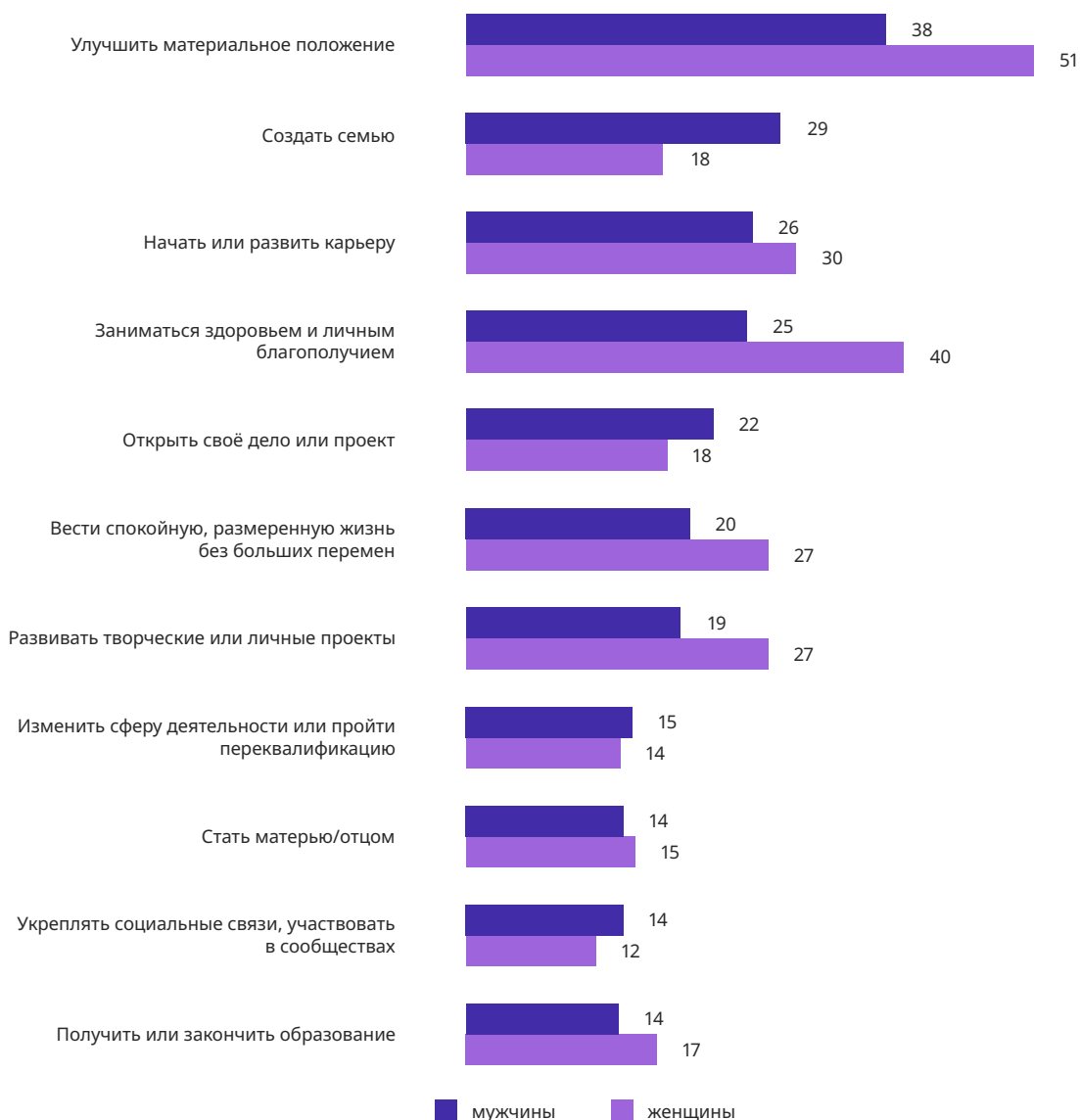
И здесь не имеется в виду, что у них исчезли амбиции. Речь скорее о том, что горизонт действий сузился до управляемого уровня. В условиях, где макросреда воспринимается как нестабильная и малопредсказуемая, рациональным становится приоритет более личных и легче поддающихся контролю сфер: доход, здоровье, личные проекты, близкие отношения. Кроме того, это зоны, где усилие относительно понятно связано с результатом.

Отсутствие доминирования крупных, трансформационных целей говорит о том, что молодёжь не планирует масштабных рывков и изменений. Это поведение типично для обществ с повышенной неопределённостью: амбициозные планы сменяются осторожными.

Разные жизненные приоритеты мужчин и женщин

Тема жизненных целей стала одной из немногих, где различия между мужчинами и женщинами оказались статистически значимыми (Рисунок 12). Может показаться неожиданным, что мужчины чаще, чем женщины, стремятся создать семью. И это утверждение справедливо вне зависимости от статуса отношений и семейного положения людей.

Рисунок 12. Гендерные различия в планах на ближайшие 3-5 лет

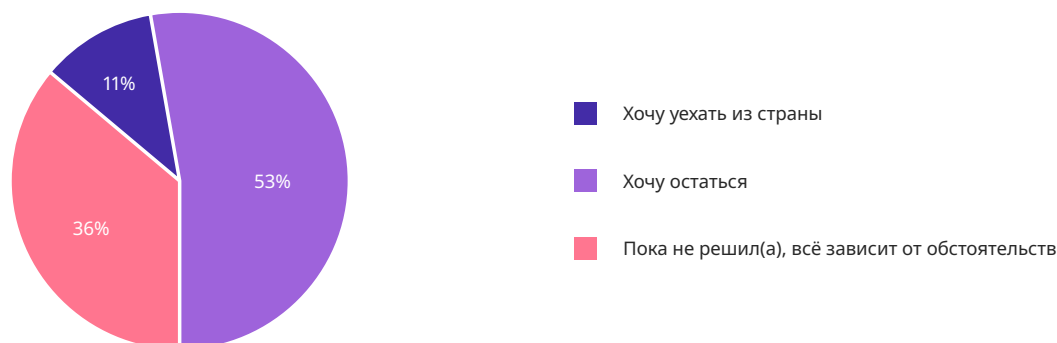
«Что вы планируете для себя в ближайшие 3-5 лет?» %

Главное, что показывает этот блок, — мужчины и женщины не расходятся по базовым жизненным сценариям, но по-разному расставляют приоритеты внутри них. Мужчины чаще ориентируются на создание семьи и запуск собственного дела, то есть на внешне выраженные социальные роли и инициативу. Женщины заметно чаще делают ставку на здоровье, образование, личное развитие и более спокойный образ жизни. Это не делает их ценности и планы автоматически конфликтующими, а скорее показывает разные способы укрепления своей позиции и получения ощущения опоры в условиях неопределённости.

Эмиграция как запасной план

Миграционные настроения в молодёжной среде (Рисунок 13) не свидетельствуют о массовом намерении уехать, но показывают наличие устойчивого «запасного сценария».

Рисунок 13. Миграционные планы на ближайшие 3-5 лет

«Собираетесь ли вы уехать из страны в ближайшие 3–5 лет?» %

В этих данных заложен двойственный сигнал. С одной стороны, мы не видим эффекта «панического исхода»: твёрдое намерение уехать декларирует меньшинство. С другой — если объединить тех, кто хочет уехать, и тех, кто допускает такую возможность, получается доля, близкая к половине выборки. Это означает, что эмиграция присутствует в воображаемом будущем значительной части молодёжи как допустимый и легитимный сценарий.

Структура мотивов (Рисунок 14) подтверждает рациональный характер этих установок. На первом месте — экономические причины: низкие доходы и ограниченные возможности. Далее следуют отсутствие перспектив развития и стремление к большей свободе и новым возможностям. Фактор небезопасности и давления присутствует, но не является доминирующим. Потенциальная мобильность объясняется не только политической ситуацией, но и более широким ощущением внешних ограничений.

Рисунок 14. Что подталкивает к решению уехать

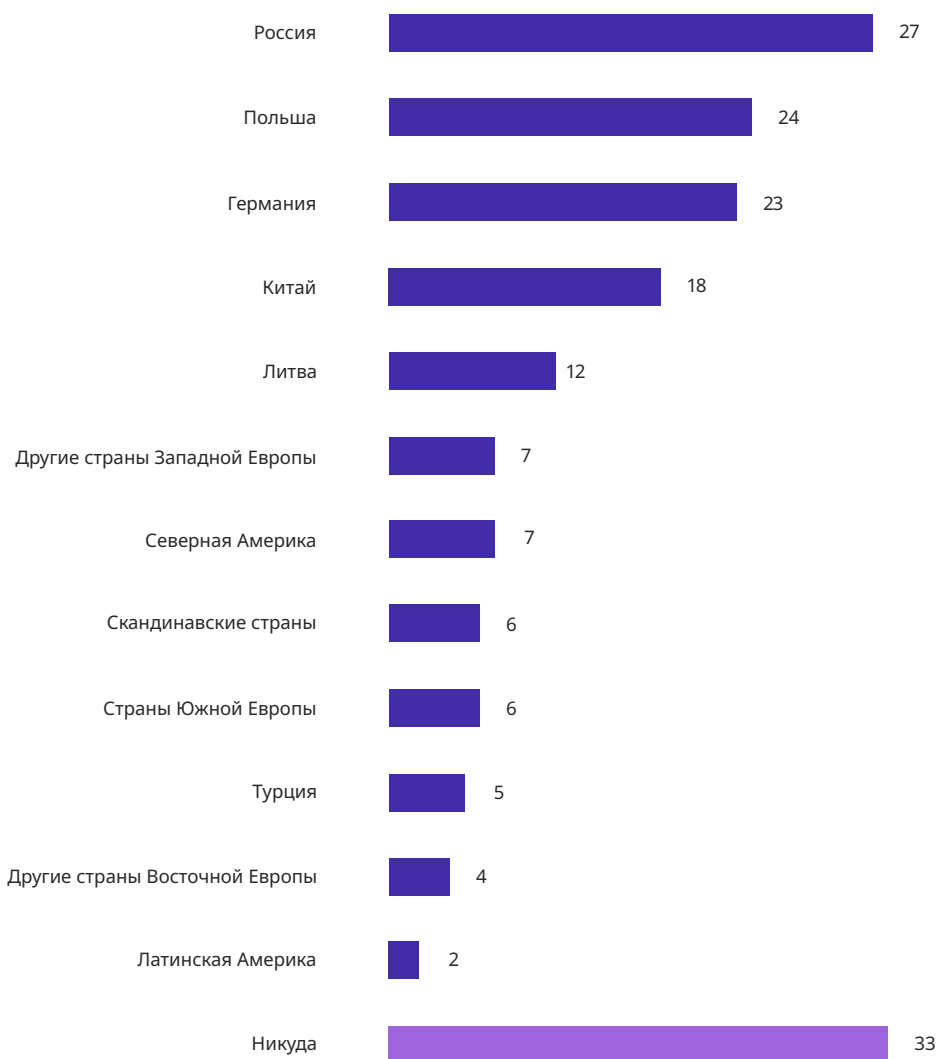

«Если вы думали об отъезде, что сильнее всего подталкивает вас к этому решению?» %

Выбор стран для потенциального переезда не образует жёсткой геополитической линии (Рисунок 15). Здесь стоит обратить внимание, что вопрос задавался не в привычной форме «В какую страну вы бы хотели переехать?», а в форме «В какие страны, на ваш взгляд, молодым людям лучше переезжать?». Мы изучаем восприятие стран, а не строим рейтинг доступности для переезда. Восприятие может формироваться на основе стереотипов и представлений, сформированных внешней средой, что нас в конечном итоге и интересует. На вопрос отвечали также и те, кто не имеет эмиграционных планов. Доля этих людей в выборке самая высокая, поэтому совершенно закономерно на первом месте по частоте выбора ответ «никуда», но многие из них всё же дали другой ответ.

Существование в ответах России, Польши, Германии, Китая и других направлений показывает, что у молодёжи нет жёсткой геополитической привязки. В публичной риторике белорусское пространство часто описывается через противопоставление векторов, однако в восприятии молодых людей это не оформляется как выбор «или-или». Разные страны фигурируют параллельно и не исключают друг друга. При этом мы не можем утверждать, что за каждым выбором стоит чёткая ценностная позиция. Эти ответы отражают скорее представления о том, где «лучше» — и эти представления могут формироваться через личные связи, рассказы знакомых, медиаповестку и распространённые стереотипы о доходах, свободе или карьерных шансах.

Рисунок 15. В какие страны лучше переезжать молодым людям

«В какие страны, на ваш взгляд, молодым людям лучше переезжать?» %

Такое распределение позволяет говорить о прагматическом характере ориентаций — страны воспринимаются как разные типы возможностей. В условиях, когда внутри страны ощущаются ограничения роста и неопределённость правил, внешний мир начинает восприниматься как запасная территория возможностей. Важно подчеркнуть, что прагматичность здесь не исключает влияния медиаобразов. Представления о «стране возможностей» могут одновременно быть инструментальными и символическими. С высокой вероятностью в основе ответов лежит не столько идеология, сколько поиск среды, где усилия, по представлению респондентов, с большей вероятностью конвертируются в результат.

Повседневность удерживает от немедленного переезда

Дальше важно понять, почему при достаточно высоком потенциале эмиграции отток не происходит немедленно. Ответ дают удерживающие факторы (Рисунок 16): семья, близкие, дом и привычная среда работают как якоря, которые сложно «перевезти» в другую страну. На первые места по частоте выбора выходят факторы, которые во многом определяют нашу повседневность и от которых сложнее всего отказаться.

Рисунок 16. Факторы, удерживающие от эмиграции

«Что удерживает вас от решения уехать или помогает оставаться?» %

В целом миграционные настроения показывают, что для значительной части молодёжи переезд в другую страну стал нормализованным выбором. Речь не идёт о массовом намерении уехать в ближайшее время, но почти половина респондентов допускает такую возможность. Это означает, что решение «оставаться или уезжать» для многих остаётся открытым и зависит от оценки перспектив.

Такая структура ответов указывает на чувствительность молодёжи к качеству возможностей внутри страны. Пока сохраняется ощущение роста, предсказуемости и связи между усилиями и результатом, альтернативный сценарий остаётся в резерве. Если же эти ожидания не подтверждаются, латентная готовность к мобильности может быстро трансформироваться в реальный отток. Именно поэтому миграционные установки в данном случае выступают индикатором доверия к будущему, а не просто показателем географических предпочтений.

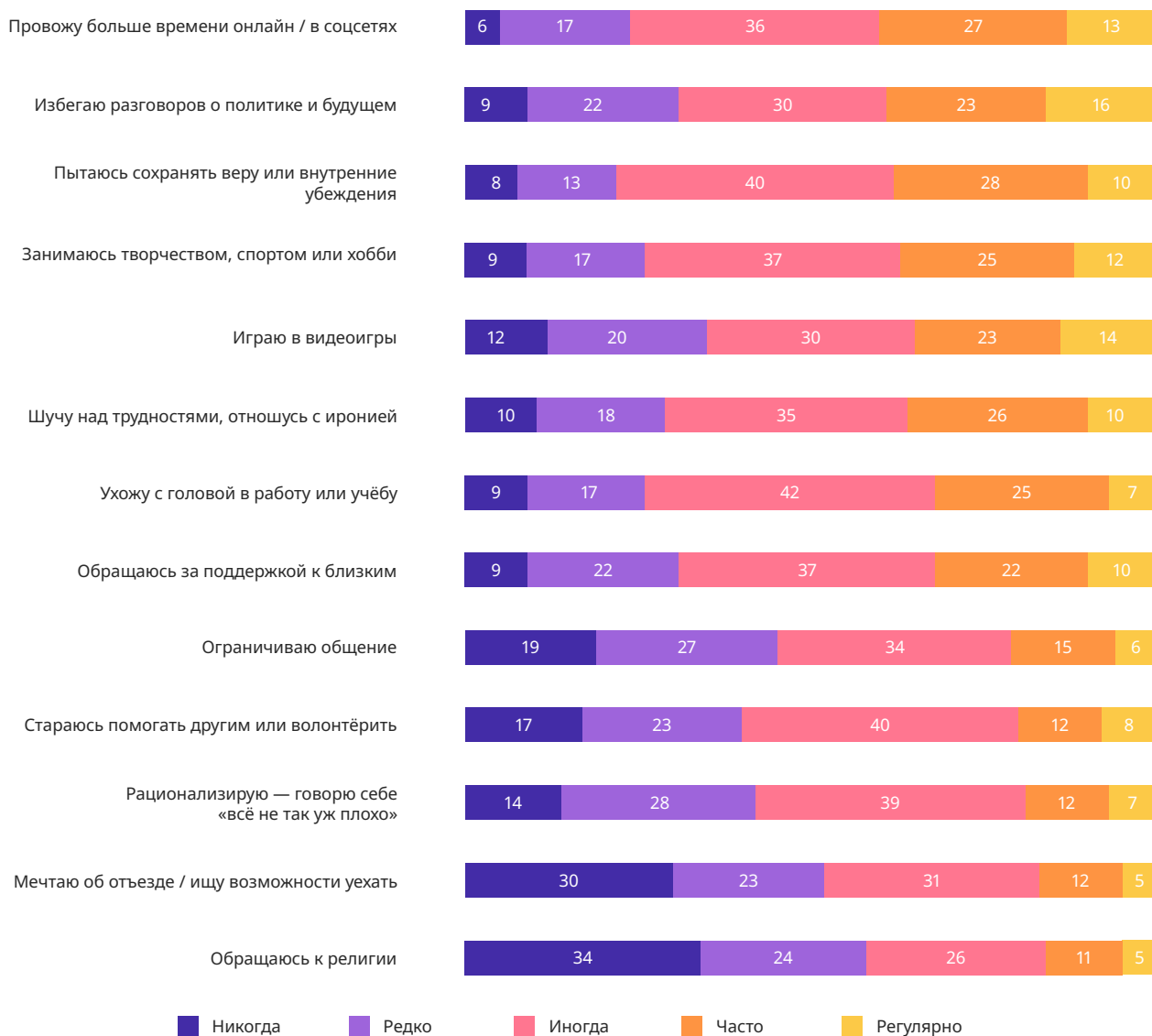
РЕЗУЛЬТАТ КАК ЦЕЛЬ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ И ДЕЙСТВИЙ МОЛОДЁЖИ

В этом разделе попробуем разобраться, какими способами молодёжь справляется с проблемами, снижает тревожность, проявляет гражданскую активность и в целом проживает текущую неопределённость. Проверять мы это будем, изучая поведенческие стратегии молодых людей. Один и тот же структурный контекст может порождать разные способы адаптации: от снижения вовлечённости и ухода в повседневность до поиска смысла и символической дистанции. Поэтому здесь анализ смещается от того, что молодые люди чувствуют, к тому, как именно они с этим справляются.

Стратегии адаптации: простые и доступные способы снижения напряжения

Распределение ответов показывает (Рисунок 17), что молодёжь использует разные способы справляться со стрессом, но ни один из них не является выражено доминирующим. Молодые люди в первую очередь выбирают простые и доступные стратегии: уход в онлайн, избегание тревожных разговоров, погружение в работу или хобби. Такие действия легко реализовать без внешней поддержки, риска или серьёзных изменений в жизни. Они быстро снижают напряжение, позволяют продолжать повседневную жизнь, при этом не всегда усиливают чувство контроля или меняют ситуацию. Их эффект скорее краткосрочный. Однако в условиях устойчивой неопределённости выбор низкорисковых и легко применимых стратегий выглядит рациональным, ведь основная задача в таких условиях — сохранить устойчивость, а не радикально преобразовать среду.

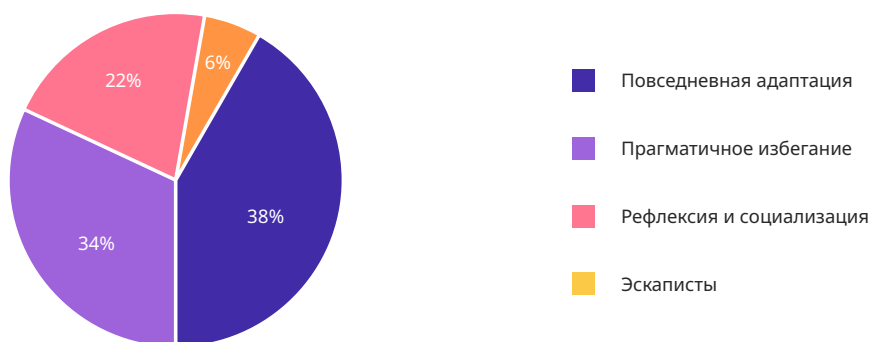
Рисунок 17. Частота использования разных способов справиться со стрессом

«Как часто вы делаете следующее, чтобы справиться с трудностями или стрессом?» %

Факторный и кластерный анализ показывают (Рисунок 18) неоднородность реакций молодёжи на стресс и позволяют выделить несколько устойчивых стратегий адаптации.

Рисунок 18. Стратегии адаптации

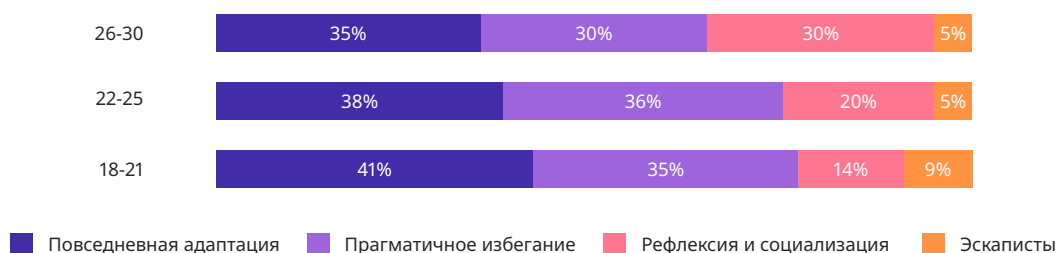
Повседневная адаптация. Эта группа использует простые и доступные способы снижения напряжения: периодический уход в онлайн и социальные сети, погружение в работу или учёбу, занятия хобби и бытовой рутинной. При этом избегание тревожных тем и разговоров о политике не носит системного характера, а социально-смысловая опора выражена слабо. Это стратегия простого поддержания функционирования: люди стараются сохранить привычный ритм жизни и компенсировать стресс через повседневные занятия, не выстраивая специальных механизмов защиты.

Прагматичное избегание. Для этой группы характерно сознательное ограничение вовлечённости. На поведенческом уровне это выражается в избегании разговоров о политике и будущем, сокращении общения, осторожности в высказываниях и действиях. Здесь чаще встречаются мечты об отъезде, а социальная и смысловая поддержка используется реже, основной акцент делается на минимизации рисков. Это стратегия самоограничения и сужения пространства взаимодействия.

Рефлексия и социализация. Эта группа опирается на более ресурсные способы справиться с неопределённостью. В неё входят обращение за поддержкой к близким, помощь другим и волонтерство, занятия творчеством, а также использование иронии как способа удерживать психологическую дистанцию. Уход в онлайн и избегание тревожных тем выражены слабо. Люди не столько уходят от реальности, сколько перерабатывают её через отношения и осмысление. Эта стратегия связана с более низким уровнем тревоги и предполагает наличие социальных и культурных ресурсов.

Эскапизм. Небольшой кластер характеризуется выраженным дистанцированием от реальности. Здесь сочетаются частый уход в онлайн, видеоигры, избегание обсуждения тревожных тем, ограничение общения и мечты об отъезде как способ мысленного выхода из текущей ситуации. При этом социально-смысловая опора и ироническая дистанция практически отсутствуют. Это наиболее уязвимая модель адаптации: напряжение снижается через отключение, но не перерабатывается, что связано с более высоким уровнем тревоги.

Рисунок 19. Стратегии адаптации в разных возрастных группах

Возраст влияет на распределение стратегий (Рисунок 19). У старших респондентов чаще встречаются более осмысленные и устойчивые модели, а крайние формы ухода становятся реже. Половые различия есть, но они умеренные и отражают скорее разные стили реагирования, чем принципиально разные подходы. При этом субъективное благополучие почти не различается между группами, тогда как уровень тревоги заметно меняется в зависимости от стратегии.

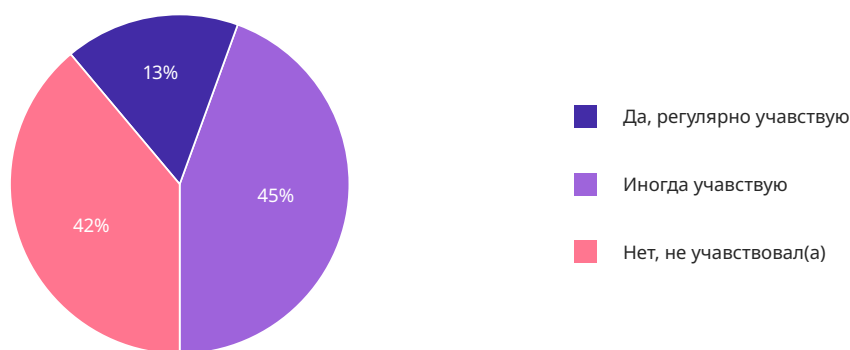
В целом адаптация молодёжи направлена на регулирование собственного состояния. Главная задача — сохранить устойчивость в условиях ограниченного влияния на внешнюю среду. Различия между стратегиями показывают, что ресурсы и способы переработки тревоги распределены неравномерно, и это важно учитывать при анализе дальнейших решений и потребностей в поддержке.

Гражданское участие рискованное и потому не активное

Гражданское участие молодёжи чаще всего носит эпизодический характер. У многих есть опыт участия, но для большинства он не является регулярной практикой (Рисунок 20). Активность проявляется ситуативно и зависит от конкретных обстоятельств.

Такой режим участия характерен для всей выборки. Он не концентрируется в отдельных городах и не усиливается автоматически с возрастом. Это означает, что речь идёт не о различиях между «активными» и «пассивными» группами, а о более общем контексте, который задаёт пределы возможного и безопасного действия. Таким образом, среда влияет на решение об участии сильнее, чем социально-демографические характеристики.

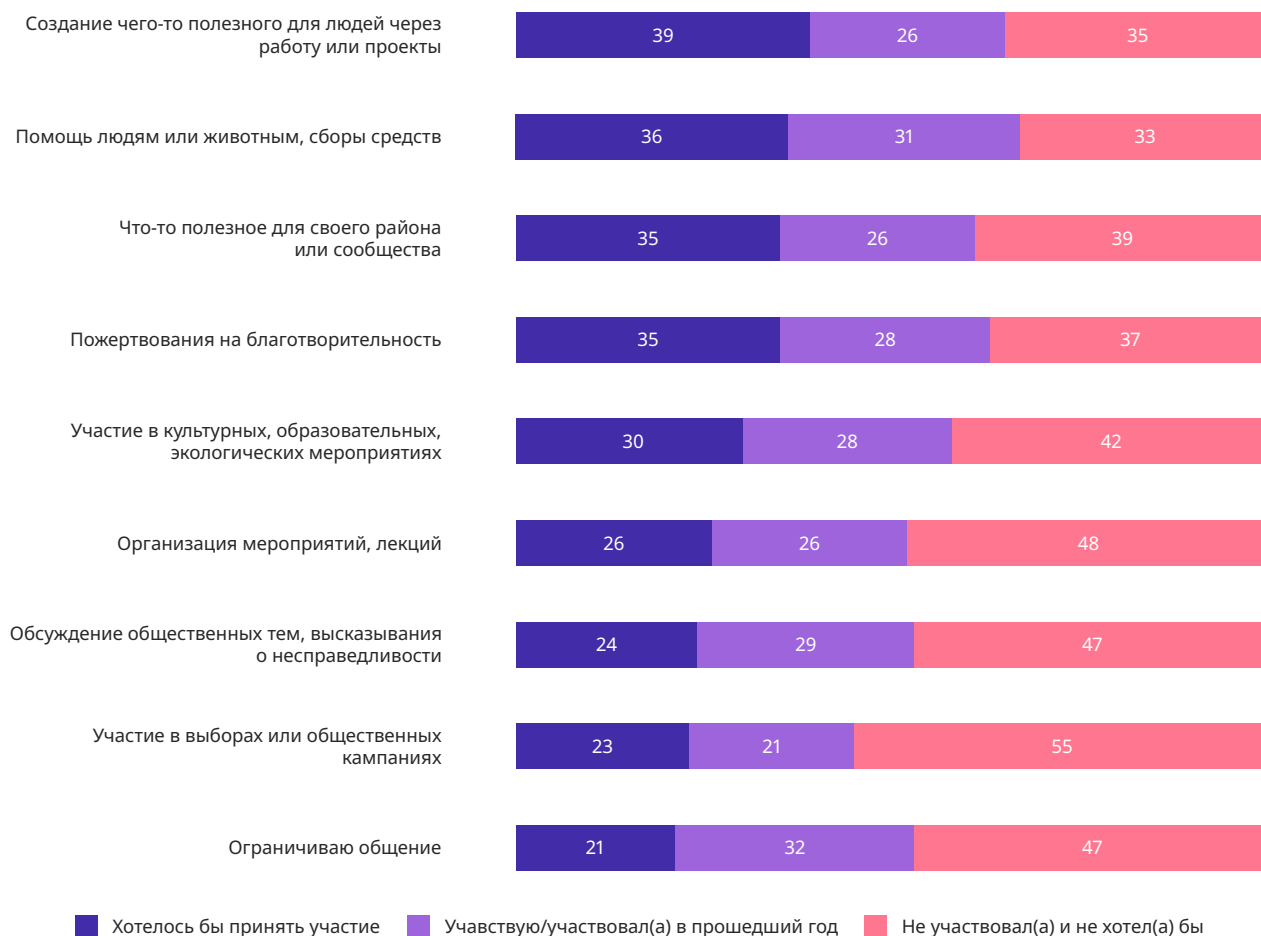
Рисунок 20. Интенсивность участия в гражданских активностях

«Приходилось ли вам участвовать в общественных, волонтерских, культурных или образовательных инициативах (онлайн или офлайн) в течение последнего года?» %

Когда мы смотрим на разные формы гражданской активности (Рисунок 21), мы не видим, что они складываются в отдельные устойчивые типы поведения. Не выделяются, например, «культурные активисты», «политические активисты» или «волонтеры» как чёткие, отличающиеся друг от друга группы. Вместо этого формы активности тяготеют к одному измерению: есть люди, которые в целом участвуют в общественной жизни, и есть те, кто в неё практически не входит. Различие проходит не по содержанию действий, а по факту включённости. Интерес к участию при этом сохраняется, а сама идея гражданской вовлечённости остаётся социально приемлемой и значимой.

Рисунок 21. Формы гражданской активности: реальное и желаемое участие

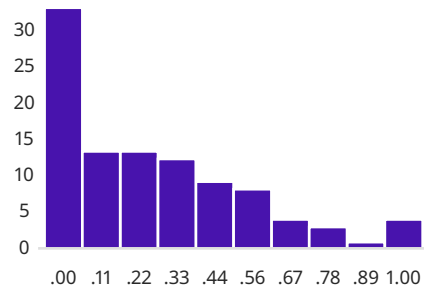

«Приходилось ли вам участвовать в каких-либо видах общественной или добровольной активности за последний год или, возможно, вы бы хотели принять участие?» %

Чтобы увидеть общую картину, мы агрегировали отдельные формы активности в три индекса: фактическое участие, интерес к участию и разрыв между ними. Такой подход позволяет перейти от описания отдельных практик к оценке структуры вовлечённости в целом.

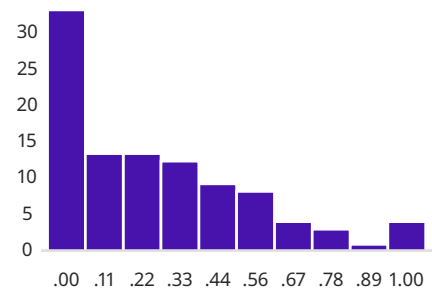
Индекс фактического участия (Рисунок 22) показывает, что для большинства молодёжи включённость остаётся низкой и фрагментарной. Распределение значений смещено к минимальным уровням, при этом существует небольшая группа с заметно более высокой активностью. Это означает, что участие не встроено в повседневную норму. Оно концентрируется у ограниченного числа респондентов и не формирует массовую модель поведения. Этот результат согласуется с предыдущим выводом о том, что формы активности не образуют разных типов вовлечённости: ключевым остаётся сам факт присутствия или отсутствия в общественной сфере.

Рисунок 22. Индекс фактического участия

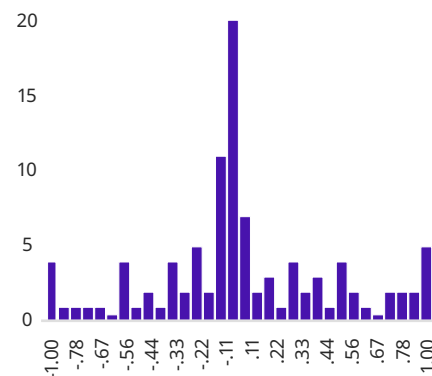
Индекс интереса к участию (Рисунок 23) показывает, насколько молодые люди в принципе готовы участвовать в общественной жизни, даже если они этого не делают. Его значения оказываются выше, чем у индекса фактического участия. Это означает, что число тех, кто хотел бы включаться, больше числа тех, кто реально включается. По форме распределения оба индекса похожи: большинство имеет низкие значения, небольшая группа — более высокие. Таким образом, потенциальная вовлечённость шире, чем реальная.

Рисунок 23.
Индекс интереса к участию

Индекс разрыва между желанием и участием (Рисунок 24). Среднее значение индекса разрыва близко к нулю. Это означает, что в среднем различие между желанием участвовать и фактическим участием невелико. При этом высокая вариативность показывает, что между отдельными людьми этот разрыв может быть значительным.

Рисунок 24.
Индекс разрыва между желанием и участием

У части респондентов желание и действие совпадают, а у другой части — существенно различаются. Проблема носит избирательный характер. В одних сегментах и для одних форм активности барьеры почти незаметны, а в других они существенно ограничивают переход от интереса к действию. Иначе говоря, речь идёт о неравномерном распределении возможностей. Именно эта неоднородность и формирует текущую структуру гражданской вовлечённости.

Таким образом, все три индекса позволяют сделать несколько выводов.

1. Интерес к участию в целом присутствует. Значит, нельзя объяснять низкую вовлечённость отсутствием запроса или утратой ценности гражданской активности.
2. Данные не подтверждают идею полного запрета или тотальной блокировки. В среднем по выборке разрыв между желанием и действием не выглядит катастрофическим. Это означает, что пространство для участия формально сохраняется.

Анализ форм активности позволяет выделить три зоны, различающиеся по открытости и воспринимаемой безопасности. Первая зона — это те формы включённости, которые воспринимаются как **безопасные и социально одобряемые**. Помощь людям и животным, благотворительность, полезные проекты не требуют публичной позиции и не ассоциируются с риском. Поэтому здесь и интерес, и фактическое участие совпадают. Это пространство, где человек может действовать без серьёзных последствий. Именно поэтому такие практики становятся ядром гражданской вовлечённости.

Вторая зона — это зона **латентного участия**. Она показывает, что интерес к более «публичным» формам активности (выборы, общественные кампании, культурные и локальные инициативы) существует, но он не всегда реализуется. Люди в принципе готовы участвовать, однако оценивают риски, прозрачность процедур и ожидаемый результат. Если условия кажутся неопределёнными или не гарантируют эффекта, интерес не переходит в действие. Это говорит о наличии барьеров, а не об отсутствии мотивации.

Третья зона демонстрирует формы активности, которые практически **полностью**

Исключаются. Здесь не только низкое участие, но и слабый интерес. Это публичные высказывания, обсуждение несправедливости, организационная активность. Такие действия воспринимаются как потенциально конфликтные и рискованные.

Что именно мотивирует людей принять участие в гражданских активностях? Структура мотивации (Рисунок 25) показывает, что решающим условием перехода от интереса к действию является конкретный и видимый результат. Наиболее сильный отклик вызывают мотивы, связанные с осязаемыми изменениями и реальной пользой для людей. Ориентация на практическую и понятную пользу оказывается единственным устойчивым фактором, сокращающим разрыв между желанием и действием.

Рисунок 25. Что помогло бы чувствовать больше уверенности и устойчивости в жизни

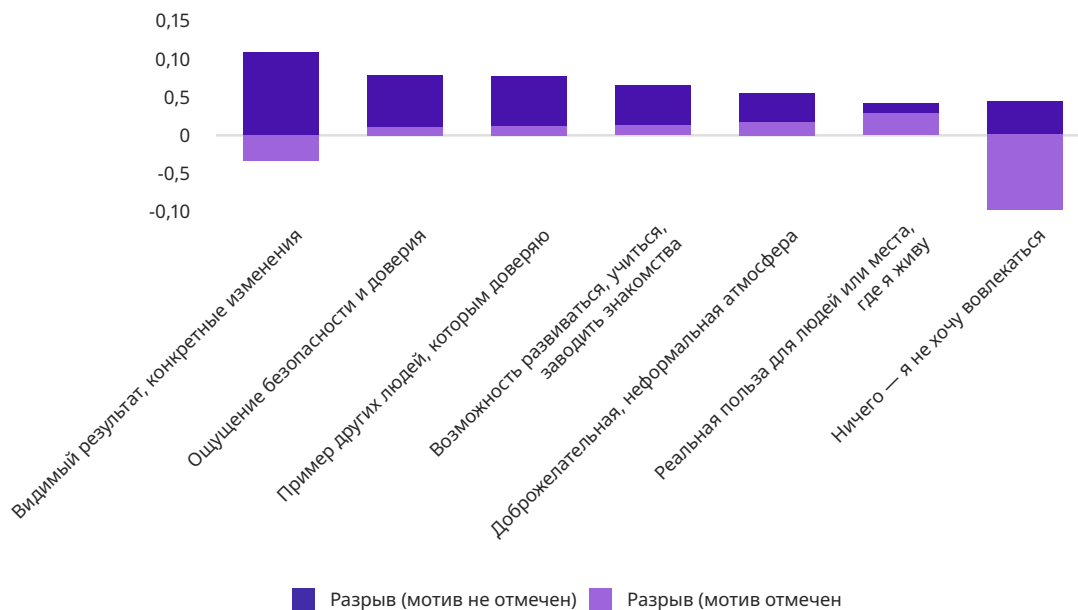

«Что помогло бы вам чувствовать больше уверенности и устойчивости в своей жизни?» %

Другие мотивы — доброжелательная атмосфера, возможности развития, безопасность, доверие, пример других — усиливают интерес к участию, но не обеспечивают его автоматической конверсии в действие. Они создают благоприятный фон и повышают готовность, однако сами по себе не снимают барьеры включённости.

На следующем этапе анализ был сосредоточен на том, какие мотивационные условия сокращают или, напротив, усиливают разрыв между интересом к участию и фактической вовлечённостью (Рисунок 26). В качестве зависимой переменной использовался индекс разрыва между желанием и действием. Для каждого мотива сравнивались средние значения разрыва у тех, кто его отметил, и у тех, кто не отметил.

Рисунок 26. Как мотивации влияют на разрыв между интересом и участием

Если разрыв увеличивается, это значит, что желание растёт быстрее, чем фактическая вовлечённость. Если разрыв сокращается, интерес легче конвертируется в действие. Если разрыв отрицательный, человек в принципе не заинтересован и не участвует.

Ориентация на видимый результат связана с наибольшим увеличением разрыва. Те, кому принципиально важен измеримый эффект, чаще выражают интерес к участию, но не находят форматов, которые дают ощущение реального изменения. Желание есть, доверия к эффективности инструментов нет.

Мотивы безопасности, доверия, примера других и возможностей развития работают сходным образом. Они повышают готовность к участию, но не обеспечивают соответствующего роста активности. Это значит, что люди считают эти условия важными, однако не видят их реализованными в доступных инициативах. В итоге интерес усиливается, а участие остаётся ограниченным.

Следовательно, стратегия вовлечения должна строиться не вокруг ценностных деклараций или комфортной среды как таковой, а вокруг демонстрации понятного, измеримого и локально ощутимого результата.

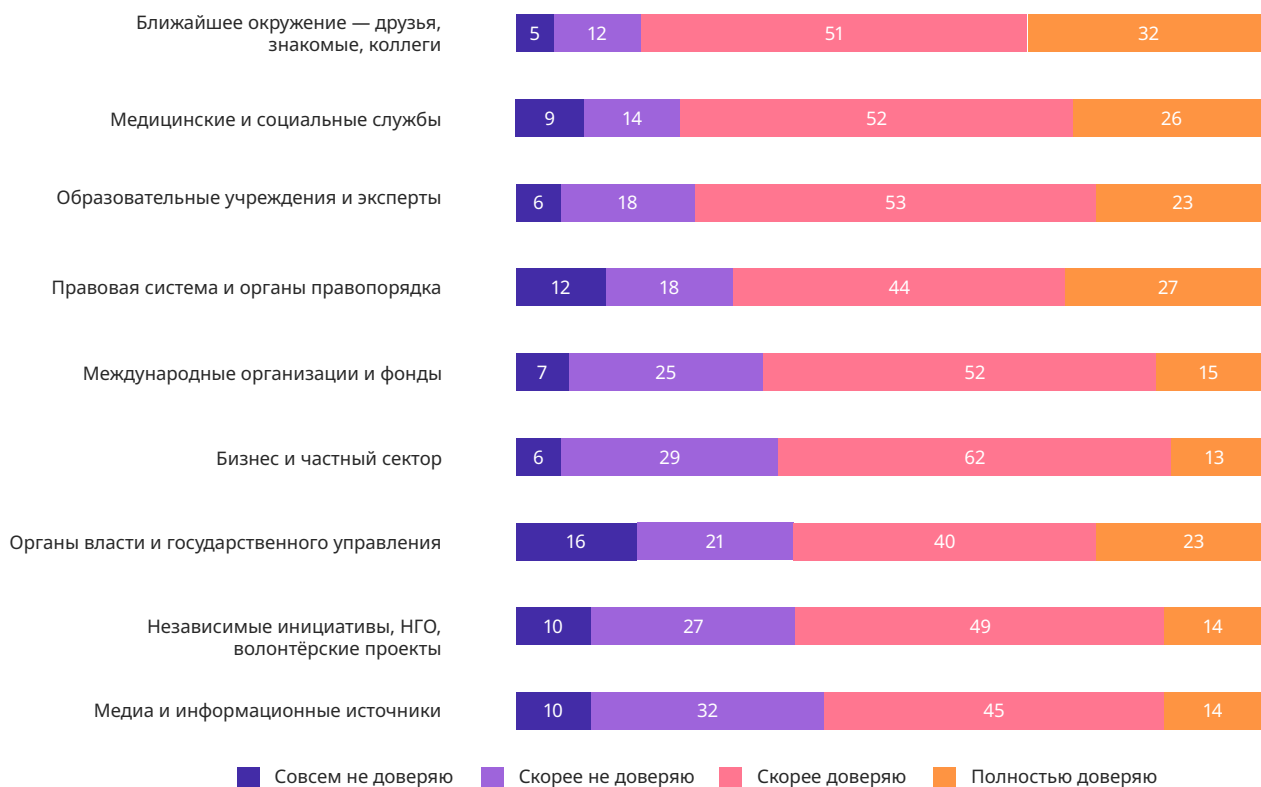
Готовность действовать определяется доступностью реальных возможностей

До этого момента анализ был сосредоточен на том, как молодые люди воспринимают реальность, какие стратегии адаптации выбирают и в каких формах проявляется их общественная активность. Однако сама готовность действовать зависит не только от установок и мотивации. Она опирается на доступную среду — на те социальные, институциональные и профессиональные опоры, которые делают участие возможным, осмысленным и безопасным. Поэтому далее важно рассмотреть инфраструктуру возможностей: где молодёжь видит ресурсы, кому доверяет и какие каналы включённости воспринимает как рабочие.

Доверие людям и институтам достаточно высокое

Структура доверия задаёт базовую рамку для включённости. Данные показывают, что доверие распределено неравномерно и сосредоточено прежде всего в ближнем круге — среди друзей, знакомых и коллег. Это означает, что горизонтальные связи остаются ключевым источником социальной опоры. В условиях неопределённости именно личные сети обеспечивают чувство надёжности и снижают риски взаимодействия.

Рисунок 27. Уровень доверия окружению и институтам

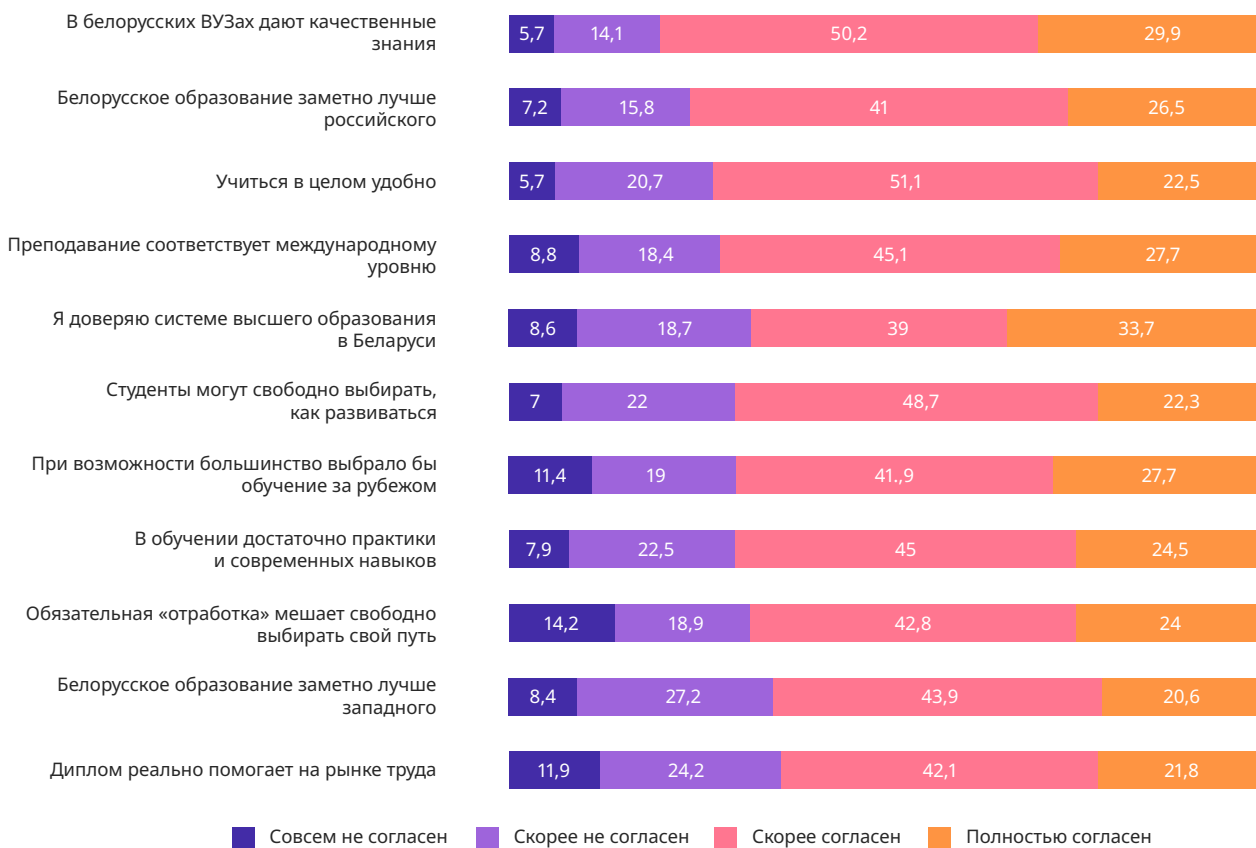
«Насколько вы доверяете следующим институтам или группам в целом?» %

Относительно устойчивое доверие сохраняется к профессиональным институтам: образовательным учреждениям, медицинским и социальным службам. Их легитимность строится на повседневной полезности и практическом взаимодействии. В то же время отношение к органам власти, медиа и ряду общественных акторов более сдержанное и дистанцированное. Таким образом, инфраструктура включённости формируется не вокруг институциональной системы в целом, а вокруг личных и профессиональных контуров. Это объясняет, почему участие чаще принимает непубличные и локальные формы и опирается на горизонтальные связи, а не на вертикальные структуры.

Образование — это функциональный ресурс

Следующим ключевым элементом инфраструктуры возможностей становится образование. Оценки высшего образования показывают (Рисунок 28), что оно воспринимается прежде всего как функциональный ресурс. В центре внимания оказываются качество знаний, наличие практики, соответствие требованиям рынка труда и влияние диплома на профессиональные перспективы. Образование оценивается через его востребованность — помогает ли оно получить работу, расширить возможности и повысить устойчивость на рынке труда.

Рисунок 28. Восприятие качества и роли высшего образования в Беларуси

«Насколько вы согласны со следующими утверждениями о высшем образовании в Беларуси?» %

Одновременно фиксируется чувствительность к ограничениям автономии, в частности, к обязательной «отработке», а также готовность рассматривать обучение за рубежом как альтернативу. Это указывает на то, что ценность образования не привязана к символическому статусу системы как таковой. Критерием становится эффективность и свобода дальнейшего выбора.

Таким образом, образование сохраняет высокую значимость, но его роль интерпретируется прагматично. Оно рассматривается не как гарантия и не как элемент статуса или престижа, а как инструмент для личного роста в условиях неопределённости. В этой логике образование включается в индивидуальную стратегию укрепления собственной позиции, а не в ожидание системной поддержки.

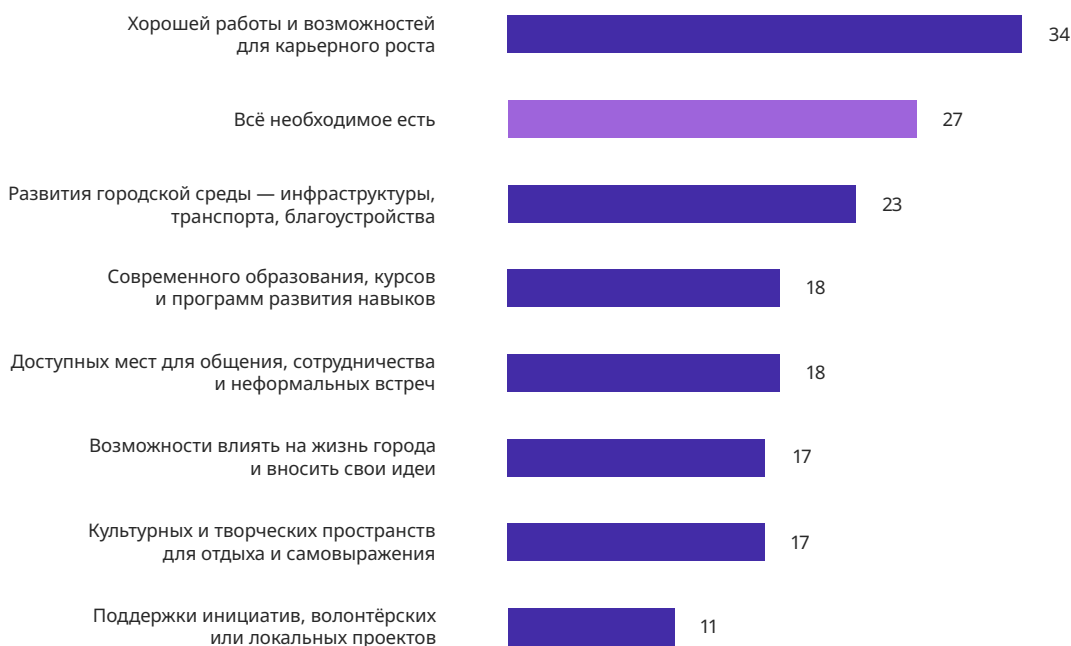
Если образование воспринимается как значимый личный ресурс, следующий вопрос — насколько городская среда позволяет этот (но и не только) ресурс реализовать. Данные показывают, что наиболее часто упоминаемый дефицит связан с хорошей работой и возможностями карьерного роста. При этом заметная часть респондентов считает, что «всё необходимое есть», что не позволяет говорить о тотальной блокировке возможностей.

Важно подчеркнуть: наше исследование фиксирует саму потребность, но не позволяет объяснить её причины. Мы не можем на основании этих данных утверждать, связано ли восприятие дефицита возможностей профессиональной реализации с состоянием рынка труда, экономической структурой города, уровнем конкуренции или другими факторами. Мы можем констатировать лишь то, что для значимой части молодёжи профессиональная реализация воспринимается как зона ограничений.

Инфраструктурные потребности многослойн

Запросы к городской среде показывают (Рисунок 29), что молодёжь воспринимает инфраструктуру возможностей многослойно. На первом плане остаётся экономическая устойчивость — хорошие рабочие места и перспективы роста. Однако этим картина не исчерпывается, также важны современное обучение, пространства для общения и сотрудничества, развитие городской среды, возможность влиять на жизнь города. Это указывает на то, что речь идёт не только о доходах, а о целостной среде, в которой усилия могут превращаться в результат.

Рисунок 29. Запросы к городской среде (чего не хватает в вашем городе)

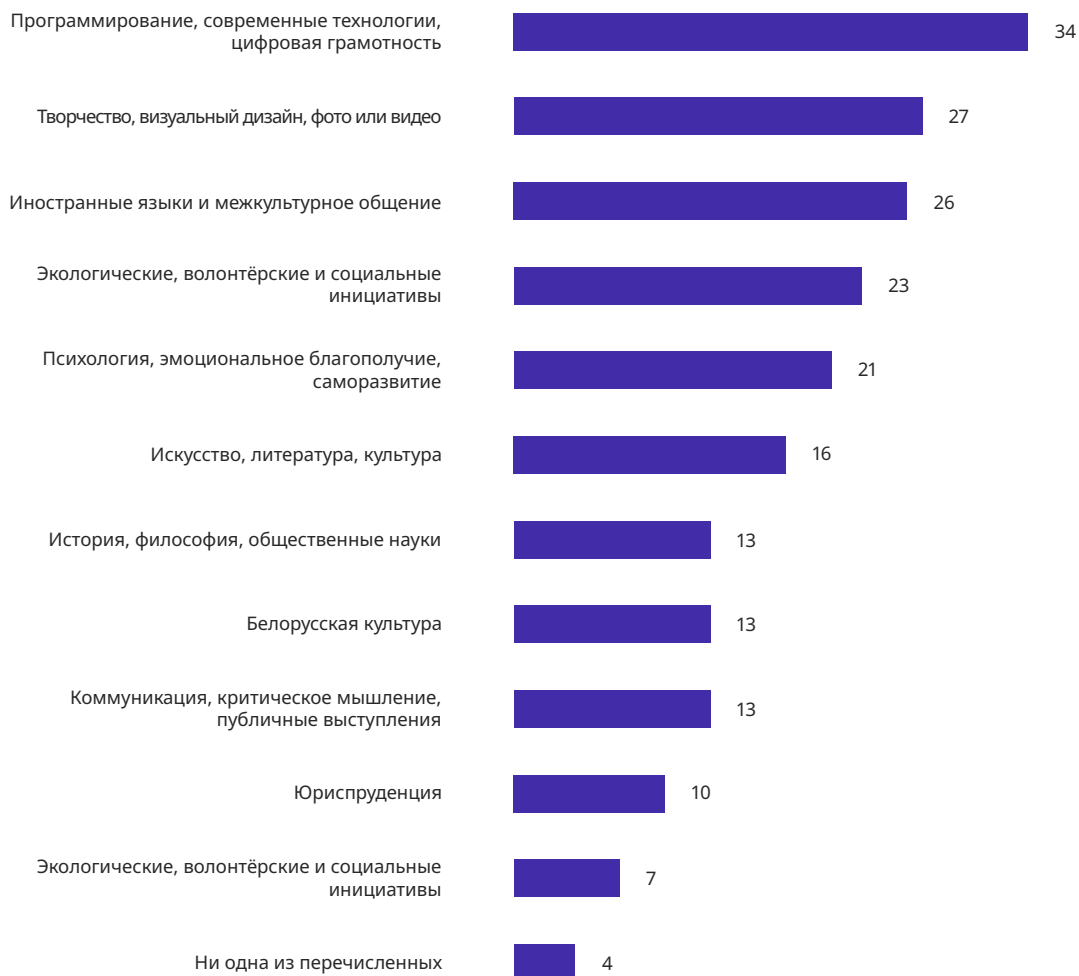

«Каких возможностей в вашем городе, по вашему мнению, не хватает?» %

В вопросе работы и карьерного роста есть не только экономическая составляющая. Когда молодёжь говорит о нехватке рабочих мест, карьерных перспектив, современных программ обучения или пространств для развития и инициатив, она говорит и о несоответствии между готовностью вкладываться в себя и ограниченным числом реальных возможностей применить эти усилия. Полученные знания и навыки предполагают продолжение траектории, но локальная среда не всегда предоставляет достаточное количество точек роста. Возникает разрыв между подготовкой и реализацией.

В дополнение к теме образовательных потребностей мы задали вопрос о том, какие темы больше всего интересуют респондентов (Рисунок 30). На первом месте — программирование, современные технологии и цифровая грамотность. Далее идут творческие направления, иностранные языки и экономические знания. Эти темы объединяет практическая направленность. Они связаны с профессиональной мобильностью, возможностью работать удалённо и адаптироваться к меняющимся условиям, а также перспективой высоких доходов.

Рисунок 30. Интересующие темы

«Какие темы вам кажутся сейчас наиболее интересными для обучения или саморазвития?» %

Темы психологической поддержки занимают среднюю позицию. Они важны, но не являются главным образовательным приоритетом. Гуманитарные и культурные дисциплины также находятся в средней части рейтинга.

Наименее востребованы юриспруденция, экологические и волонтерские инициативы, что вполне соотносится с тем, что сейчас гражданская активность воспринимается как рискованная, а люди в основном сконцентрированы на удовлетворении личных потребностей, не связанных с общественно значимыми активностями.

Анализ форматов обучения и поддержки показывает (Рисунок 31), что основная проблема заключается не в отсутствии интереса, а в устойчивом разрыве между интересом и фактическим участием, как и в случае с гражданским участием, но здесь общий интерес куда выше. В среднем молодые люди проявляют интерес к нескольким форматам поддержки одновременно, однако реально участвуют примерно вдвое реже. Это указывает на наличие значительного слоя латентного запроса: готовность к включению есть, но она систематически не реализуется.

Рисунок 31. Потенциал и реализация участия в образовательных форматах

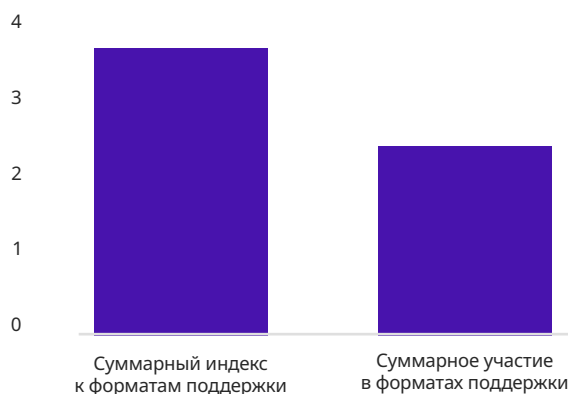

«Если вам приходилось принимать участие в следующих программах поддержки, какие вы бы назвали полезными? Если не приходилось, возможно, вы бы хотели принять в них участие?» %

При этом оценка полезности уже существующих форматов остаётся умеренной. Это означает, что барьер лежит не только в доступе, но и в восприятии. Форматы могут быть видимыми и даже потенциально привлекательными, но не воспринимаются как достаточно релевантные, удобные или результативные. Таким образом, разрыв формируется не на уровне интереса как такового, а на уровне доверия к формату и условий его реализации.

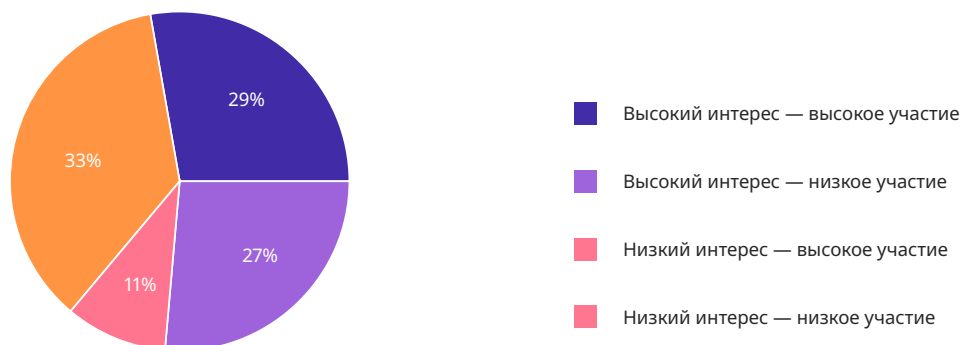
Матрица «интерес × участие» (Рисунок 33) позволяет понять структуру этого разрыва. Она показывает, что есть группа молодых людей, чьё желание участвовать и фактическое участие совпадают. Это означает, что они находят форматы понятными, доступными и достаточно надёжными, чтобы в них включиться. Для них инфраструктура работает, и запрос конвертируется в действие.

Рисунок 32. Декларируемый интерес и реальная вовлечённость

«Приходилось ли вам участвовать в каких-либо видах общественной или добровольной активности за последний год или, возможно, вы бы хотели принять участие?» %

Рисунок 33. Распределение респондентов по зонам интереса и участия

«Приходилось ли вам участвовать в каких-либо видах общественной или добровольной активности за последний год или, возможно, вы бы хотели принять участие?» %

Но заметная доля респондентов находится в другой позиции — они заинтересованы, а участия не принимают. Это и есть зона разрыва. Люди не безразличны и не пассивны, однако что-то мешает их переходу к действию. Причины могут быть разными: избыток предложений и информационный шум, из-за которого сложно выбрать; форматы, которые требуют времени или публичности; ощущение, что участие не даст ощутимого результата; или сомнения в надёжности организаторов. И, конечно, не стоит забывать, что декларируемый интерес не всегда соответствует реальному. Например, он может быть социально одобряемым или даже социально продиктованным, но лично не принятым.

Таким образом, проблема в основном лежит не в отсутствии мотивации, а в несовпадении между логикой повседневной жизни молодых людей и тем, как устроены предлагаемые форматы. Именно это несоответствие и производит устойчивый разрыв между интересом и участием.

Отдельная группа характеризуется одновременно низким интересом и низким участием. Здесь разрыв менее выражен, но и потенциал вовлечения ниже. Для таких респондентов участие возможно только при минимальных затратах и низком уровне публичности. Это хорошо согласуется с ранее выявленной ориентацией на «безопасные» и локальные формы активности.

Распределение по конкретным форматам подтверждает общий вывод. Почти по всем позициям доля тех, кто хотел бы участвовать, превышает долю реального участия. Особенно заметен разрыв в форматах психологической поддержки, наставничества, групп взаимопомощи и «малых шагов». Даже сравнительно нейтральные волонтерские и комьюнити-проекты не полностью снимают барьеры включённости. Это означает, что сам по себе «безопасный» характер формата ещё не гарантирует его конверсию в действие.

В целом результаты показывают структурный характер разрыва между запросом и реализацией. Молодёжь демонстрирует готовность к обучению, поддержке и развитию, однако инфраструктура форматов не обеспечивает устойчивого перехода от интереса к участию. Это напрямую связано с предыдущими выводами о селективности доверия, локализации контроля и ориентации на конкретный результат. Если формат воспринимается как понятный, безопасный и практически полезный, участие возрастает.

Таким образом, ключевой вызов для образовательных и поддерживающих инициатив состоит не в создании спроса, а в проектировании форматов, которые сокращают дистанцию между намерением и действием. Речь идёт о снижении порога входа, повышении прозрачности результатов и встраивании инициатив в привычные коммуникационные и социальные контексты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показывают, что беларусская молодёжь живёт в условиях ограниченной субъектности, но при этом сохраняет способность к адаптации, планированию и поиску возможностей. Это состояние не следует интерпретировать как полную апатию или отказ от участия в общественной жизни. Скорее речь идёт о перестройке форм участия и жизненных стратегий под условия повышенной неопределённости и риска.

В контексте общественно-политической жизни Беларуси важнее всего обратить внимание на несколько ключевых выводов.

Во-первых, гражданский потенциал молодёжи не исчез, но его реализация смещается из публичной и институциональной сферы в более безопасные и локальные форматы. Молодые люди готовы участвовать в инициативах, если они имеют конкретный и понятный результат, не требуют высокой публичности и воспринимаются как низкорисковые. Поэтому гражданская активность постепенно принимает более горизонтальный и практико-ориентированный характер.

Во-вторых, политические и ценностные ориентации молодёжи остаются гибкими и неоднозначными. Отсутствие жёсткой геополитической поляризации и стремление сочетать разные ценностные ориентации указывает на прагматический подход к будущему страны. Молодёжь не стремится к идеологическим противопоставлениям, а скорее ищет модели развития, способные одновременно обеспечить стабильность и возможность изменений.

В-третьих, миграционные установки выступают индикатором качества внутренних возможностей. Потенциальная готовность значительной части молодых людей рассматривать переезд означает, что устойчивость общества в значительной степени зависит от способности внутренней среды предлагать понятные перспективы развития и социальные лифты. При сохранении ощущения персонального роста и связи между усилиями и результатом многие готовы оставаться и строить жизнь внутри страны.

Наконец, результаты показывают, что ключевым фактором общественной устойчивости становится инфраструктура возможностей — доступ к образованию, профессиональному росту, социальным инициативам и горизонтальным формам сотрудничества. Именно в этих сферах формируется пространство, в котором молодёжь может реализовывать свою активность и ощущать собственную значимость.

Таким образом, беларусская молодёжь не утрачивает готовности к участию в общественной жизни, но её включённость зависит от того, насколько социальная и институциональная среда позволяет переводить индивидуальные усилия в реальные результаты. От того, будет ли эта связь укрепляться или, напротив, ослабевать, во многом зависит характер будущей общественно-политической динамики в стране.

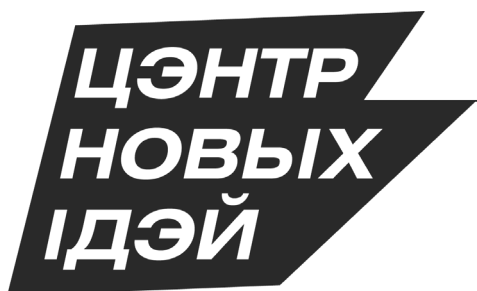
АВТОРКА

Дарья Урбан

Руководитель исследовательской команды Центра новых идей, социолог. Имеет более 10 лет опыта в прикладных исследованиях, включая участие в международных проектах с WHO, UNFPA, EBRD, USAID и другими организациями.

urban@newideas.center

Центр новых идей

Исследовательский институт, который помогает общественным и политическим акторам выстраивать демократическую и устойчивую Беларусь. Мы делаем это посредством проведения независимых исследований, усиления общественного диалога и поддержки будущих лидеров.

www.newideas.center

Благодарности

Автор выражает благодарность за помощь в создании этого исследования всем, кто принимал участие в сборе и обработке данных, а также Антону Родненкову и Рыгору Астапене за ценные комментарии и помощь в написании текста.

**Co-funded by
the European Union**